
18+
Натали Зомби
Лабиринты проклятого леса
18+
Сезонное безумие
Том 1

Натали Зомби

Лабиринты проклятого леса. Сезонное безумие. Том 1

«Издательские решения»

Зомби Н.

Лабиринты проклятого леса. Сезонное безумие. Том 1 /
Н. Зомби — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602068-9

Сюжеты вселенной «Лабиринты проклятого леса» разворачиваются на двух планетах: Саррай и Эйвиштель. Жизнь на данных планетах сильно отличается от привычной. Всюду есть опасные места, аномальные кратеры, по-разному влияющие на всё, что попадает на их территорию. Одни могут одарить могуществом, другие лишить рассудка, третьи никуда уже не отпустят. Если бы не отдельные группы людей, устанавливающих порядок, мир давно погряз бы в безумии. Однако эти слова каждый понимает по-своему.

ISBN 978-5-00-602068-9

© Зомби Н.
© Издательские решения

Содержание

Вступление 7
Глава 1 13
I. Заезд 13
II. Склонность к побегу 21
III. Оплеуха 28
IV. Потерянность 36
V. Дубль два 45
VI. Провал 51
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Лабиринты проклятого леса. Сезонное безумие. Том 1

Натали Зомби

© Натали Зомби, 2024

ISBN 978-5-0060-2068-9 (т. 1)
ISBN 978-5-0060-2069-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Натали Зомби

Сезонное безумие

Том 1

Вступление

Хоть жизнь моя мне ненавистна,
И многие не видят больше смысла
Переживать страдания по новой,
Неся бремя жизни суровой,
Отвечу я продажным эгоистам,
Чьи имена лишь измеряют в числах,
Расходуя как инструмент,
Что я начну ту же судьбу по новой.
Не убегу, возможно, спрячусь ненадолго.
Поплачу, поскорблю в тени лесов,
У самых гор, где пепел мой развеет ветер,
Храня идею в чистом свете,
Доверенную хору голосов…

Мерзкий дух сгоревшей плоти был унесён прочь ветром с горы Прощания, но он всё же пришёл к людям на своих ногах. Ещё одни жители города покинули мир живых. Сигнал об уходе близкого человека для одних, для других же – хорошие новости. Контрастирующий микс из скорби и жажды наживы. Пока одни видят, как сущности умерших, обретя неузнаваемую форму, проходят мимо когда-то своих домов, – даже украдкой не взглянув на них, чтобы не причинять ещё большую боль близким, – другие же, прямо на их глазах, обступают пришедших со всех сторон, расталкивая друг друга, словно на невиданной акции, чем больше отталкивают от себя тех, кого они уже зазывают присоединиться к их семьям. Словно кусок мяса, лежащий перед хищниками – кто первый схватил и смог укрыть от других, тот и будет сыт.

Эти инструменты уникальны. Каждый хочет обладать ими – это мечта не только детей, но и взрослых. Честь и совесть здесь обрекут верных им остаться ни с чем вовсе, текущая ситуация, словно уличная драка, в правилах не нуждается. Разве что драться нельзя, ведь риск повредить «сокровище» очень велик. Оружие по захвату желаемого банально – деньги да имущество. Но и это может не сработать, ведь усопший мог запомнить тебя при жизни и знать, что за человек ты на самом деле. Почему они не хотят остаться всё в тех же семьях, что и были? Что-ж, родственники не редко нас разочаровывают, хочется чего-то нового. Но те же, кто всё-таки решил оставить сокровище в родной семье, искренне делают вид, что никого не знают, чтобы не опорочить род гадкими слухами.

Пока они помнят ту жизнь, что была у них ещё вчера. В этой форме, что хранит в себе существ с этой планеты, так удачно превращенных в невольных жертв паразитов. Паразитов, имя которым – люди; паразитов, что вытянут из своих жертв всё до последней крупицы. Хотя, если отбросить эгоцентризм и прислушаться – из этих отношений получится отличный симбиоз.

И пусть перед смертью все были обязаны съесть ядовитые ягоды, убивающие нервную систему и избавляющие от боли, страх, что твоё сознание вместе с воспоминаниями непоправимо угаснут, будет жить с людьми вечно. Кто из пришедших лишил себя жизни по всем правилам? Здесь точно есть тот, кто схитрил и укрыл от глаз фантом своего былого существования. Укрыл в лесах или в пещерах гор, спрятал в кулоне, что вручили ему те, кто не будет рад нарушению правил. Как же страшно просто исчезнуть… На столько страшно, что напоследок можно и стерпеть невыносимые муки для того, чтобы запомнить этот момент навеки, чтобы отделить от себя то, что так страстно хочется уберечь.

По одной из улиц бедного района на краю города, выйдя с северной стороны леса, шествуют странно выглядящие существа, похожие на людей. Их необычные одежды тут же привлекают внимание: на многих из них надеты маски, кто-то идёт босиком, а на ком-то тяжелая обувь; нет никакой гармонии или общей системы, каждый одет как душе угодно. У одних из них облик человеческий, а по поводу других ещё можно поспорить. Они идут вместе, но лишь пока общий путь ведёт к городу, потом каждый разойдётся в свою сторону.

Худощавого вида парень, выходя из хлебного магазинчика и завидев пришедших, останавливается на крыльце и с минуту наблюдает. Поняв, куда те направляются, он тут же срывается с места и мигом бежит домой, к телефону, быстро набирает номер и кого-то предупреждает о том, что «цветки сознания здесь». Взволнованный женский голос спрашивает, в какую сторону те устремляются, и высокий молодой человек отвечает, что путь многих, скорее всего, ведёт в сторону Подземного города. Дама на той стороне линии со злости бросает трубку.

– Зачем ты их вызвал? – недовольно спрашивает пышная женщина, тетя этого человека, энергично намывая посуду. – Сейчас только лишних конфликтов у нас не хватало.

– Я вот понять не могу: зачем они вечно лезут под землю? Там же живёт всякий сброд! Хочешь сказать, что именно они потом будут наш город защищать и именно эти люди будут служить в полиции?

– А кто ещё будет выполнять эту работу? Или ты думаешь, что дети той, кому ты сейчас позвонил, захотят лишний раз напрягаться и думать о своём городе? Их только деньги интересуют.

– Деньги интересуют всех. И у этой семьи их достаточно, чтобы вырастить достойное поколение и дать им правильный пример. А что касается тех подземных крыс – уж им-то я не доверяю свой спокойный сон.

Женщина с печалью вздыхает:

– Лучше бы успокоился и о себе подумал, другие как-нибудь и без нас разберутся.

– Да, – парень нервно кивает головой, – так все и говорят, те люди, которых не волнует, что там происходит за пределами их порога.

– Послушай, – тетя осторожно подходит к племяннику и нежно обнимает его, – и в моём детстве было всякое и до нашего рождения, всегда будут какие-то проблемы. Но жить-то когда-то надо, понимаешь? Эти проблемы никуда не денутся и никогда не закончатся. Есть люди, которые над ними работают, оставь эти заботы им: у них есть ресурсы, рабочая сила, оборудование и в конце концов они профессионалы. Не слушай больше тех людей, послушай лучше просто музыку или книжку почитай, но не лезь туда. Таких молодых парней, как ты, просто легко обмануть. Посмотри на себя: ничего не ешь, плохо спишь, по учёбе скатился, даже с друзьями уже месяц не гулял. Давай исправляйся, ну. Я тебя совсем не узнаю, эти семьи совсем тебя запугали своими страшилками, всё у нас будет хорошо, мы под надёжной защитой Рэданна и Люцетуса.

– Ладно, извини. Я действительно будто с ума сошёл…, – парень сдаётся, обнимая единственного родного человека в ответ.

Толпы людей перекрывают дорогу со всех сторон. Не дают пройти долгожданным гостям дальше, просят их остановиться на минутку и послушать сладкие обещания. Те из цветков, что не намерены никого слушать, выставляют вперед руки и… заставляют толпу отскочить в сторону от опасного пламени. Как им это удаётся? Базовая способность многих подобных существ. Молча расчищая таким образом дорогу, они упорно идут к своей цели. Ими движет тайная идея, план, о котором те заранее договорились в тени леса Отвергнутых. Никто не оборачивается в сторону предателей, что всё же передумали и решили послушать предложения: нельзя выдавать само наличие плана, мотивы должны выглядеть глупыми и по-детски про-

стыми. Вроде капризов или давних обид на какой-либо род или целый район. Гордость в данном случае губительна, лучше выставлять себя глупыми, чем всё испортить. Пускай никто ни о чём не догадывается.

– Можно ли заранее знать, что твой ребёнок родится с талантом? – задает вопрос Эфи́за Кромимаг, та самая женщина, получившая звонок, со всех ног направляясь прямиком в сторону массового сбора. Людей было бы больше, но цветки сознания постоянно меняют маршруты и идут к цели окольными путями.

– Можно ли? – робко спрашивает позади бегущая служанка, тоща в руках тяжёлую сумку.

– Я у тебя это спрашиваю! Конечно можно! Многие носители цеха сознания имеют сильный характер и способны создать невообразимую способность! Эта способность может прокормить потом целую семью, если конечно они нищие, но если таких детей будет много, то и жизнь будет куда слаще, ты это понимаешь? Хочешь работать бесплатно, только лишь за еду и ночлег? Если нет, то пошевеливайся!

– Бегу, – замученно отвечает служанка, отпуская ручки сумки, чтобы потом обхватить ту обеими руками.

А люди всё продолжают перекрывать дорогу цветкам сознания и предлагать свои семьи в качестве кандидатов, рассказывают о преимуществах своих домов, хвастаются доходами, пригревая уши потенциальных грабителей, но сейчас их это мало волнует, ведь если цветок поселится в их доме, то он и обеспечит дальнейшую безопасность. Большая часть «дорогих сокровищ» просто идут дальше, не слушая ничего, и лишь единицы останавливаются и принимают предложения.

– Расступитесь! Я беременная! – не смотря на свой хрупкий вид, растолкав полных старух локтями, Эфиза Кромимаг подбирается к желанной цели, держа за предплечье и рывком вырывая из толпы свою нерасторопную служанку, мельком проследив за сумкой, к счастью, девушка её не уронила и крепко держит в своих юных, но уже намозоленных руках. Встав перед желанными объектами, будущая мать тут же лезет в сумку и достаёт оттуда роскошные платья, говоря цветкам как те будут прекрасно в них выглядеть, трагично изображая сочувствие по поводу того, какую бедную и тяжелую жизнь многим из них пришлось пережить. Да, очевидно никто из людей и не думает делать вид, что им совсем не ясен тот факт, будто пришедшие не припрятали у себя собственные воспоминания. Хотя хотелось бы, чтобы они держали их при себе и дальше. Трое или четверо всё же останавливаются и с интересом рассматривают предлагаемые подарки. Сложно пройти мимо, когда всем сердцем ненавидишь свою прошлую нищую жизнь и думаешь, что больше этого не вынесешь. Хочется дать покой своему истерзанному сердцу.

– Дешёвки! – выходя из-за спин, с презрением, громко шипит в уши предательницам бывший товарищ и идёт вперед, опаляя огнем тех, кто подходит к нему слишком близко. Но люди итак боятся подходить к тому, кто почти весь покрыт острыми иголками.

– У вас есть дети? – спрашивает один из остановившихся цветков у Эфизы. На нем чёрная маска, с раскосыми прорезями для глаз и чёрное строгое платье, а кожа длинных рук бледная, сами предплечья вместо кистей заканчиваются острыми лезвиями. Рост существа во многом превышает два метра – расхождение и деформация габаритов, в сравнении с прошлой физической оболочкой, дело нормальное. Сам вид цветка сознания формируется буквально под диктовку самоопределения и внутреннего состояния. Многое то, что человек скрывал на протяжении всей жизни, теперь вырывается наружу и обнажается.

– Есть, один и двое на подходе, – неловко улыбается женщина. – Это может создать какие-то проблемы?

– Убейте их, – отвечает холодно и резко.

– Неужели нельзя как-то иначе?.. – женщина заметно нервничает.

– Мой цех должен получить всё, не деля это ни с кем.

– Это слишком высокая плата! Мои дети никак вам не помешают, к тому же, вас ждёт такая карьера, что и наследство волновать не будет! Семья обеспечит вас прекрасным образованием и…

– Я хочу посмотреть на дом, – решительно и резко обрывает её цветок и подходит вплотную. Он значительно выше женщины и смотрит на неё требовательно, это чувствуется по языку тела, даже несмотря на то, что лицо скрыто от взора.

– Конечно! – весело улыбается Эфиза, заметно нервничает, её сердце колотится как бешенное от волнения, но она старается сохранять свой рассудок в трезвости. – И вы тоже идите с нами! – подзывает рукой других заинтересовавшихся, что робко подходят всё ближе и переглядываются друг с другом.

– Если они пойдут, то я… – уже было начинает тот же цветок набивать себе цену, как женщина сухо отвечает, стоя спиной, но обернувшись в пол оборота и отвернувшись обратно после:

– Идите.

Теперь она переключается на три другие сокровища, чьи запросы являются куда скромней и желание стать одной семьёй выражается куда охотнее. Оскорбившись таким поведением, обесцененный цветок сознания тут же жалеет о своём предательстве и решает всё же придерживаться общего первоначального плана. От злости он чуть серьёзно не обжигает целую толпу и с чувством глубокого унижения спешит догнать своих товарищей.

– Когда слишком долго к чему-то идёшь, начинаешь отчаиваться, – оправдывается перед другими передумавшая.

– Замолчи, – отвечают предательнице. – Просто иди куда хочешь, а если ты больше не с нами, то забудь всё, что мы обсуждали.

– Я с вами!

– Тогда больше ни слова, ты и так привлекла слишком много внимания. Как ты вообще посмела допустить вариант, что мы всё сделаем сами, а ты можешь просто отдыхать?

– Простите! Это была минута слабости, я уже поняла насколько это было глупо.

– Впереди пост полиции, время на обсуждения вышло, – тихо шикает один из цветков, он выглядит как белая тряпичная кукла, набитая ватой, с черными глазами-пуговицами.

– Я целиком и полностью с вами, *шо еха*, – напоследок, льстиво шепчет высокий цветок в чёрной маске, чья верность навечно под вопросом.

Необычные слова произнесены на тайном языке, который знают не многие, и лучше не показывать кому-то постороннему, что он тебе известен.

Услышав последнюю фразу, тот кто минуту назад обозвал предательницу дешёвкой, больше не в силах терпеть её общество, уходит подальше и теряется среди других заговорщиков.

Но полиции нет никакого дела до прибывших, к тому же, им не поступало никаких сведений о поимке кого-либо в последнее время. Они лишь провожают пришедших взглядом до белой каменной лестницы, ведущей вниз, в Подземный город – Прирериган. Территория на входе тщательно убрана, ни листика, ни соринки; есть надежды, что и внутри так же чисто. Хотя, конечно же, те, кто идут туда, и сами всё прекрасно знают об этом месте…

Люди кричат и толкают друг друга, смотрят с надеждой, просят о помощи. Глупцы… Неужели не понимают, что жить без цехов сознания куда проще, без них ты будешь свободнее. И лучше бы вам озаботиться тем, чтобы ваши семьи жили спокойно…

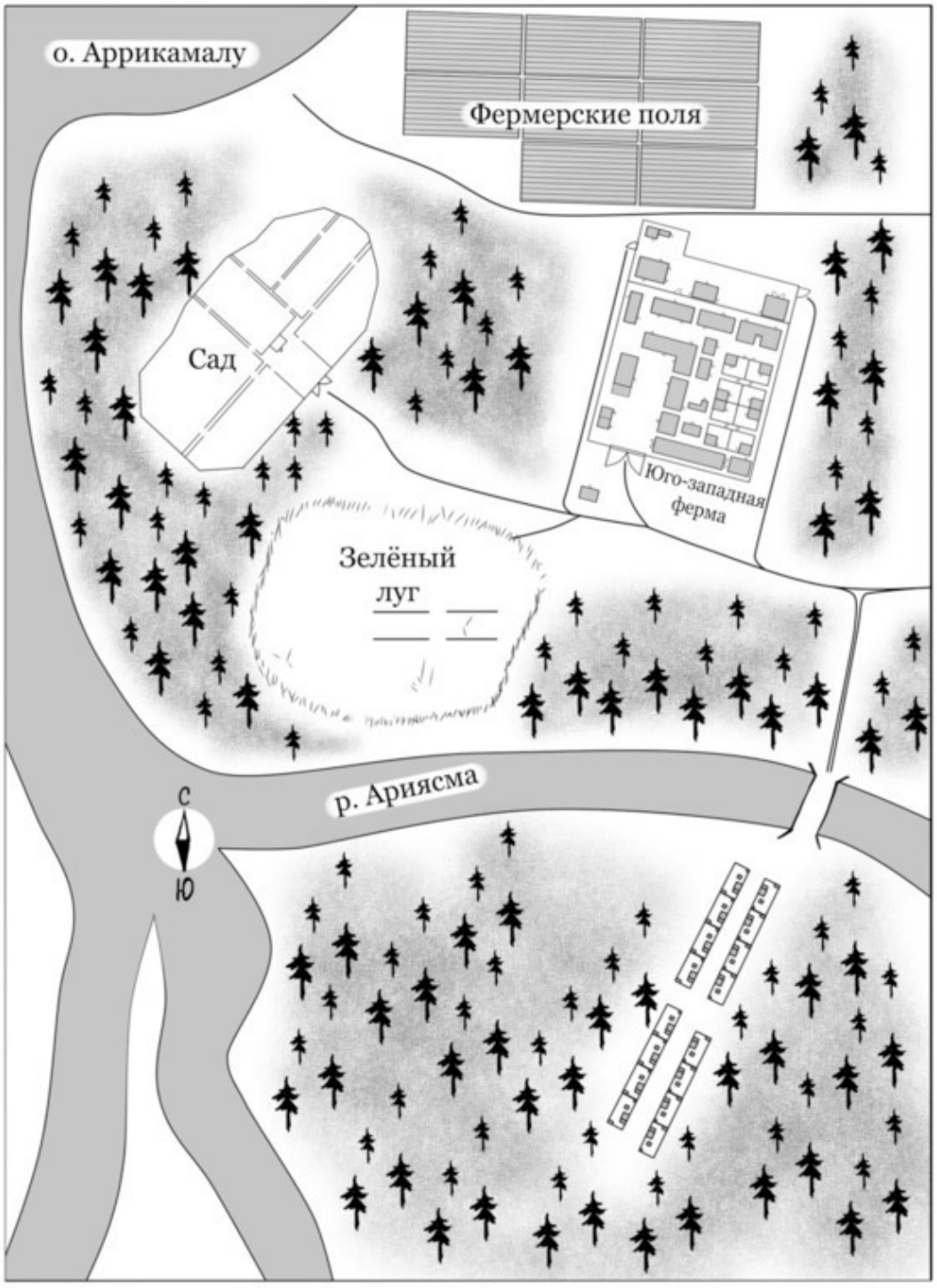
- территория Заповедного леса

- города Заповедного леса

- города Коррозии

- города народа Акхигамары

о. Аррикамалу
Фермерские поля
Сад
Юго-западная ферма
Зелёный луг
р. Ариясма
С
Ю

Глава 1

I. Заезд

Так ли легко заселить новую планету? Будут ли люди благоразумны, чутки друг к другу, станут ли они отвергать конфликты и войны? Объединятся и все вместе начнут строить новый, идеальный мир, ведь все вместе же прибыли! … Нет, не всегда стоит ожидать от них такой мудрости. Прошло уже полторы тысячи лет с момента прибытия на эту планету, имя которой дали Са́ррай. Сейчас люди вынуждены ютиться в своих закрытых городах, пока территория вокруг них реабилитируется от последствий многовековой вражды и таит в себе множество опасностей. Сейчас мы находимся на территории Заповедного леса, где на проплешинах построены города. Вокруг городов возведены двухметровые заборы из красного кирпича, обозначающие границы территории. Входить в Заповедные леса строго запрещено, так как там повсюду многочисленные захоронения, осквернять которые – серьёзное преступление, и ещё рабочие ловушки. Заведует этими лесами семья Лесников, лишь они могут бродить по территориям и быть проводниками. Они же хранят у себя оригинал кодекса Единого мира, написанного Рэданном и Люцетусом. Кодекс содержит в себе свод правил и законов, которые следует соблюдать всем. Каждые пять лет Лесники приходят в города, чтобы проверить местные кодексы на предмет подлинности. Категорически запрещено редактировать что либо, ведь иначе вера в правдивость правил будет утеряна, всё должно оставаться в неизменном виде. Именно кодекс помогает людям до сих пор не сгинуть на этой всё ещё слабо изученной и опасной планете.

Планета Саррай, Заповедный лес, Пятый город, 1531 год, 15 мая. Одного из избалованных сынков семейства Кромимаг угораздило оказаться на Юго-Западной ферме. Он является одним из обладателей цеха сознания от местного очага возникновения. Комфортная жизнь даёт о себе знать – парню уже семнадцать лет, а способность так и не появилась. Необходим сильный эмоциональный всплеск, где понадобилась бы какая-то помощь. Иными словами, из-за опасной обстановки должно родиться решение этой проблемы. Порой недостаточно просто испугаться или на что-то обидеться, это должно происходить систематически, пока в сознании не всплывёт очертание действия, которое всё решит. Хотя бывает и исключение, но только тогда, когда человек чётко знает, что ему нужно. Способность может быть лишь одна, с этим легко ошибиться, поэтому многие теряются и начинают колебаться. Сейчас разленившемуся молодому человеку хочется лишь одного – чтобы все оставили его в покое.

Официально он прибыл на ферму, чтобы пройти необходимую практику на предприятии. Чаще всего члены его семьи идут в адвокаты, но почему-то в этот раз мать настаивает, что сын обязан изучать аграрное дело. Вторая цель – получить способность – является тайной. Ведь такое событие может повлечь за собой случайные жертвы. Нельзя же говорит местным, что ты пришёл сюда найти себе проблем и ты упорно будешь на них нарываться – тогда с практики тут же выгонят за нарушение порядка.

Экзаменатором будет сам глава фермерского хозяйства – Александр Павлович Ким. Сейчас приходится ожидать его в трехэтажном доме для отдыха из белого кирпича. Первый этаж заставлен шкафами с книгами, имеет пару потёртых диванов и кресел, внутри довольно серо, серая и каменная плитка под ногами, лишь за окном видна летняя зелень и голубизна чистого неба, хочется выйти к свежим просторам, но здешние пейзажи наверняка ещё успеют надоесть, да и в нос может ударить запах аммиака из соседнего коровника, если подует ветер.

Почему-то приезд сюда был резким и неожиданным. Сразу же после того, как мать застала парня за бездельем на улице в компании ребят, с которыми общение было запрещено.

Этот контроль над личной жизнью невероятно душит и раздражает. Хочется жить спокойно и без забот, чтобы никто не орал без конца, ища проблемы там, где их нет. Об этом Герман сообщает своему телохранителю, который стоит рядом и читает маленькую книжку, учащую плавать: «Для начала не думайте о скорости, а научитесь держаться на воде. Гребя руками, вы должны сгребать воду под себя, чтобы она выталкивала вас на поверхность…»

– А жить на что будешь? – язвительно подмечает Данэль, рассматривая в книге картинки.

– Вот обзаведусь способностью и получу работу, – отвечает Герман. – Только она и будет моей единственной заботой, а всё остальное меня не касается.

– Она у тебя не появится, пока я рядом. Я же всё за тебя делаю.

Герман чувствует себя неловко: из сменной одежды парень сумел лишь захватить спортивный костюм, который был как обычно приготовлен для тренировки, а здесь стоит в том, в чём был – тонкая тёмная водолазка, брюки да кроссовки.

– Слушай, – говорит он, – прикупи мне одежды, а то я ничего взять не успел.

Услышав приказ, работник тут же убирает книгу обратно на полку и скрывается за дверью.

В растерянности Герман начинает рассматривать книги, всё-таки именно их придётся читать, чтобы не сойти здесь с ума. Телефона нет, денег тоже, лишь наручные часы деда, что были бы дороги как память, если бы только парень знал его при жизни – дед умер прямо перед его рождением, познакомиться им не удалось. Однако он был военным, и любопытная гравировка на часах внушает уверенность в их исключительной ценности. А вот прямо в голове героя – таинственное существо, найденное людьми на этой планете и используемое как инструмент для достижения целей, было помещено в парня ещё во младенчестве. Имя этому существу не дали, лишь нарекли названием: «цех сознания». Цех сознания может подарить носителю особую способность, к примеру, в момент смертельной опасности. К сожалению, ещё большая опасность – упустить время, ведь он может подарить и адаптивную способность, а разница между особой и адаптивной просто колоссальная. Можно и дальше учить уроки, а потом работать в офисе, тогда адаптивной способностью будет разве что иммунитет от геморроя с бонусом в виде укреплённых сосудов. Перспектива такой судьбы уже давно посещает подростка в самых кошмарных снах, но нельзя допустить это.

«– Моя особая способность, – мысленно утверждает Герман, – должна быть по-настоящему особенной, как бы криво это не звучало. Только очень странно, что мама добилась того, чтобы я проходил практику раньше всех на целый месяц, вечно она спешит, а-то не железный! Почему она думает, что я совсем не устаю?»

Место, куда мать закинула своего непослушного подростка – это одна из обычных ферм на краю Пятого города, близ реки Ариясма, что течёт из Северного океана и впадает в крайний берег Железного океана, расположенного над экватором. Постройки на ферме выглядят старыми, многие обшиты металлическими листами, там, где краска заметно облупилась, уже видна и ржавчина. Люди одеты в то, что не жалко испортить, идут по дорогам из засохшей грязи с примесью куриных перьев. Это же только перья? От рассматривания пейзажей за окном, сердце сковывает тоска и протест:

«– Ну не буду же я действительно здесь все три месяца практику проходить! Надеюсь, что новости не врут и здесь действительно часто случаются нападения храс и я'храс. Поскорее бы они вылезли из лесов и освободили меня».

Сейчас Герман лишь носит слева на груди значок в виде белого кружка – предупреждение о наличии цеха сознания, что пока не одарил носителя способностью.

«– Поскорей бы заполучить новую нашивку, благодаря которой больше никто не посмеет смотреть на меня как на глупого сопляка», – обычные мысли подростка, что жаждет признания и больше свобод, мечтает о славе и метит стать исторической личностью.

Героя выводит из транса крупного телосложения мужчина, примерно тридцати пяти лет, стоящий у порога.

– Ты там уснул? – фермер аж сам испугался своего грозного тона и тут же смутился. – Хе-е-ей, – протягивает весело, пытаясь исправиться. – Всё в порядке? Мать сильно тебя отчитала, я слышал, но ты взрослый парень – не обращай внимания. Как начнёшь сам зарабатывать, так сразу сможешь свалить куда душе угодно.

– Да, – новоприбывший поворачивается к мужчине лицом, отрываясь от яркого окна, он будто слепнет в тёмном помещении, большим усилием воли губы изображают натянутую улыбку, которая выглядит измученно, силуэт собеседника сильно размыт. – Именно это я и планирую сделать.

– Слушай, тебе не жарко? – спрашивает мужчина, глядя на парня в темной водолазке. Тот лишь сильней натягивает длинные рукава на запястья.

– Всё в порядке, эта ткань хорошо дышит, – отвечает герой.

– Как тебя звать-то хоть?

– Герман Кромимаг. Только не выдавайте никому мою фамилию, я хочу пожить спокойно.

– Да не переживай, все в любом случае догадаются. Меня зовут Райт.

– Хорошо… Мне теперь, – парень тяжело вздыхает, подбирая слова, – нужно где-то ночевать…

– Конечно, у нас есть барак для практикантов.

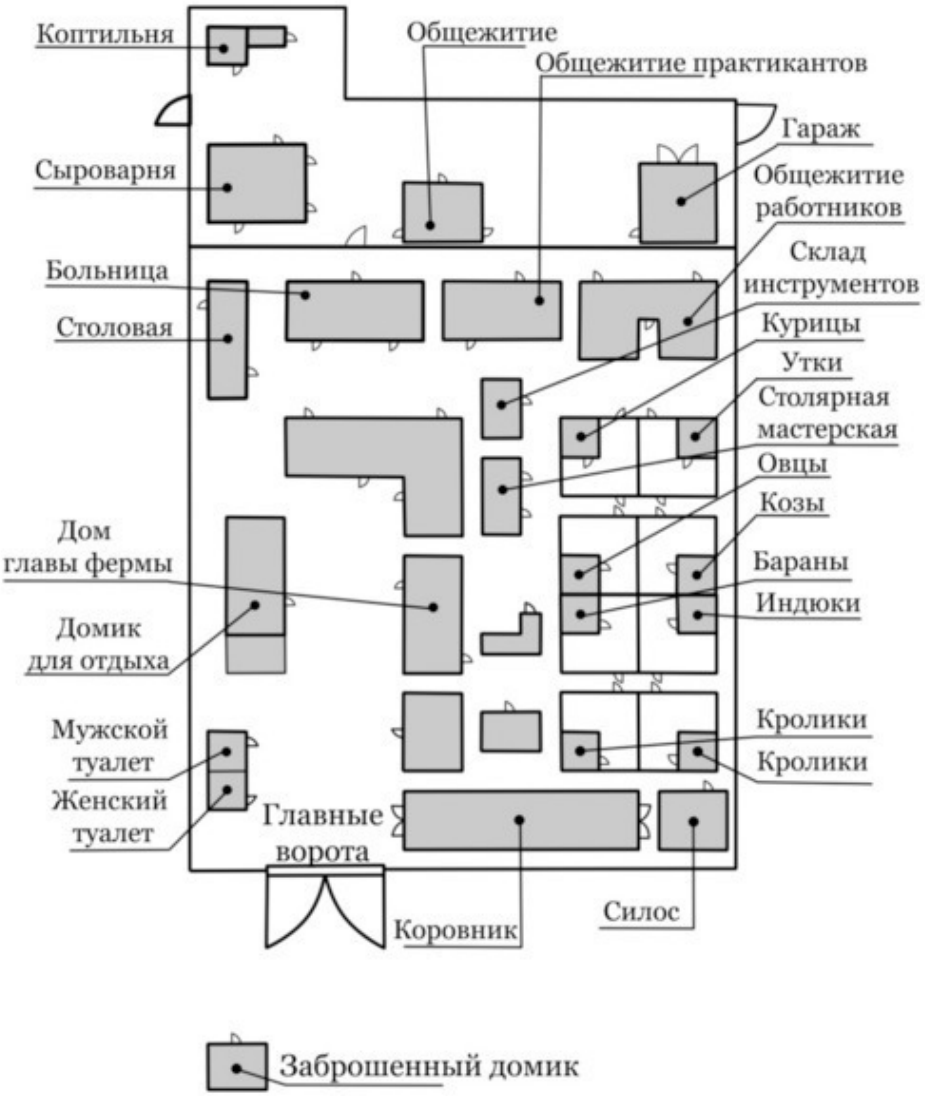
– Барак?

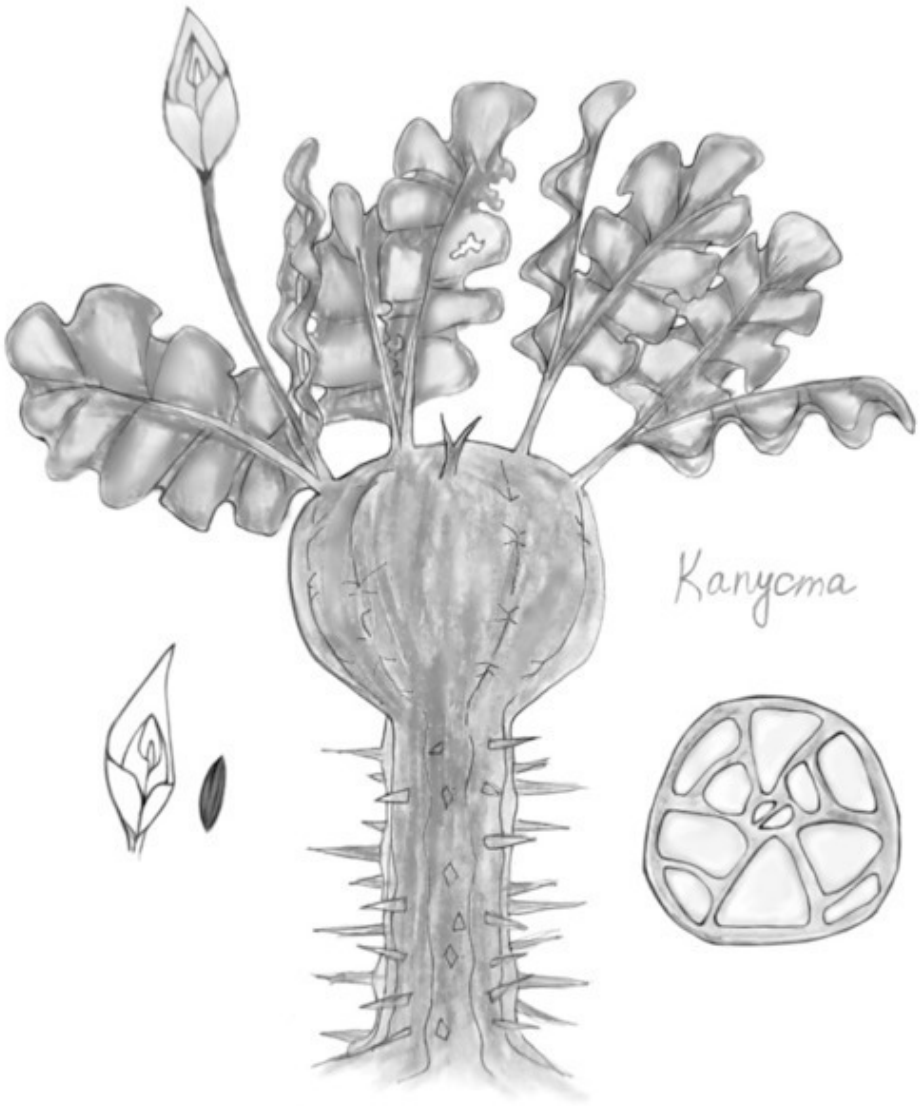
– Да, комнатки маленькие, но жить можно.

– А где…, – имя главы фермерского хозяйства вылетело из головы, но не называть же его просто Ким. – Вы меня должны встретить?

– А! Так ты чего здесь стоишь? Пошли, покажу где кабинет начальства.

Схема
Юго-западной фермы

***

Капуста. Та, что удалось привезти с Земли, вместе с остальными растениями, к сожалению, не смогла прижиться на местной почве. Все семена ушли в пустую – растения погибли, даже не дав хотя бы один урожай. Но оказалось, что похожее растение уже давно имелось на этой планете, только выглядело непривычно. Новая капуста высотой аж до трёх метров, это и не удивительно, ведь по сути это круглая бочка с водой, на толстом стволе, усыпанном острыми шипами. Нашли её далеко отсюда, каким-то чудом урвали с Нетронутых земель. Там очень опасно и не только потому, что в большинстве мест очень жаркий, засушливый климат.

Новая капуста словно на первую половину кактус, дальше скорей походит на кольраби, однако листья большие, цвет сине-голубой, местами фиолетовый. Листья большие и тяжёлые, всегда вырастают больше метра в длину, легко ломаются. Как раз подошла пора срезать нижние части, а то потом они просто огрубеют и завянут. Эту работу поручили Герману, в такой жаркий день только тень от широких листьев спасает того, кто упорно не хочет снять свою тёмную водолазку и одеться полегче.

Он стоит на стремянке, трётся о гладкую «бочку» своей грудью и старается на наткнуться своим заметным животом на шипы, пока перерезает грубое основание листа. Раньше лишний вес не причинял ему особых неудобств, но сейчас он видит в нём весомую проблему.

– А нельзя срезать эти шипы? – устало спрашивает герой, смотря вниз. – Как-то глупо каждый раз мучиться, я уже весь искололся.

– Срезать нельзя, – говорит местная девушка, которой поручили присмотреть за парнем. – Это растение будет сильно болеть.

Девушку зовут Миенэ, ей девятнадцать лет, светло-русые волосы собраны в высокий хвост, глаза цвета янтаря, одета в тёмно-зелёную футболку и серый хлопковый комбинезон; она стоит внизу и принимает от Германа срезанные листья, которые потом аккуратно укладывает в тачку.

– А разве шипы могут быть слабым местом? Это же расходный материал.

– В родной местности у этой капусты есть естественный враг, который охотится за водой. Эти существа буквально выгрызают дыры, из-за чего растение погибает. Но это селективный вид, её шипы уже не такие длинные и грубые, скоро они окончательно редуцируются. Придётся ждать, когда выведут новый вид, а сейчас этот домашний вариант уже слишком хрупкий и изнеженный.

Листья очень тяжёлые, перчатки мокрые от сока, сочащегося со стебля, менять их нет смысла, ведь новые тоже быстро пропитаются. Мимо лица девушки пролетает массивный лист, пока Герман неуклюже поправляет сползающие перчатки.

– Не роняй! Ты бы купил помятую капусту? Придётся тогда её свиньям скормить, а мы не можем позволить себе такую роскошь!

– Хорошо… – растерянно отвечает подросток.

«– Надоели, я бы заплатил кому-нибудь выполнить эту работу за меня, но это против правил прохождения практики. Ладно, если я представлю себя героем какой-нибудь игры, то, может, будет гораздо проще? О нет, тогда это один из самых скучных квестов».

***

Поздний вечер 15 мая 1531 года новой эры Герману пришлось проводить в бане, где он впервые стирал свои вещи вручную в железном тазу, стоя у лавки. Ему очень важно, чтобы одежда успела высохнуть до завтрашнего утра, поэтому ему некогда ждать её из прачечной. Он сказал фермерам, что очень плохо чувствует себя из-за жары, поэтому пойдёт мыться самым последним, когда баня остынет. Ему важно было остаться одному, как он и привык. Многое из быта простых людей раз за разом удивляло героя. Всякие грустные мысли лезли в голову из-за усталости и от того, что лампа в предбаннике светила совсем уж тускло, лишь нагнетая окружающий мрак.

Накинув на себя спортивный костюм, он вышел на улицу, прямо босиком на прохладную траву и деревянные паллеты, вдыхая вечерний воздух. Прийти в комнату сразу не получилось – старуха, следящая там за порядком, заставила парня выйти на улицу и лучше отжать свои вещи от влаги. Тело после бани остыло и стало ощутимо прохладно. Прямо над головой проносились летучие мыши, ловящие зкор – местный аналог комаров. Родной дом так далеко, но его частички здесь, они повсюду. Будто и не улетали никуда. Большого труда стоило переместить на эту планету не только людей, но это того стоило.

«– На Земле звёздное небо было так же прекрасно?» – задавался вопросом герой, но с раздражением отводил взгляд в землю, когда натыкался на одно из созвездий, на которое могут смотреть лишь обычные люди.

«– Созвездие Нимиком. Не знаю почему, но я не могу спокойно смотреть на него. Во мне сразу вскипает чувство ненависти. Может эта ненависть связана не с созвездием, может она направлена именно на меня? За то, что я пленю это существо в своём теле, когда оно, возможно, мечтает о чём-то, чего я его лишаю. Извини, но мне тоже приходится тяжело, и я так же несвободен».

Но стеснённое положение парня закончилось быстро: его личный телохранитель приехал со свежими вещами, как раз, когда герой уже собирался войти в здание общежития. Мужчина сразу был отправлен обратно, искать новое постельное бельё, ведь имеющееся ужасное старое и рвётся с треском при любом неосторожном движении. Радовало лишь то, что нет соседей – он единственный жилец во всем бараке, не считая коменданта. Замученный работой на капустном поле, подросток жаждал лишь поскорее лечь спать, ведь ему пригрозили ранним подъёмом. Всю дорогу до двери своей спальни, расположенной в самом конце коридора, и до кровати он проделал при слабом освещении и с закрытыми глазами, изредка открывая их, чтобы сориентироваться. Лучше не всматриваться внимательно в окружение, иначе станет плохо. Но облупившаяся краска на стенах, невероятно старая мебель и ужасная сантехника, будто из документального фильма ужасов про психиатрическую больницу, мгновенно наложили на душу такую тяжесть, будто всё это место создано только для того, чтобы выкачивать из человека само желание жить. Спастись едва получалось, лишь заслонив взор книгой, и при чём не важно какой.

***

– Я конечно не стала ему говорить, – сидя дома на кухне, Миенэ ведёт разговор со своей матерью, – но это очень странно, что он выбрал именно нашу ферму. Обычно все идут в северо-восточную.

– Тише, может он из аграрного училища? – говорит женщина, пока вяжет спицами свитер на зиму. – Бедный и совсем один.

Им жаль молодого парня, они прекрасно понимают, что он не приспособлен к жизни на ферме. Надо как-то ему помочь наладить здесь быт, освоиться и не чувствовать себя чужаком. Девушка взяла у брата, что младше её лишь на год, ненужные вещи, чтобы Герман не мучился в своей водолазке. Но увидев утром героя во всём новом и поняв, что помощь ему не особо и нужна, она смущено прячет за спиной принесённые вещи. Ей становится стыдно за то, что она решила предложить ему чьи-то обноски. Бедная только сейчас поняла фамилию новичка по значку с гербом, которые любят всем демонстрировать многие из зажиточных семей.

– Что там у тебя? – спрашивает Герман, пытаясь заглянуть девушке за спину.

– Ничего, просто понесла вещи в прачечную. А вот, кстати, резиновые сапоги… Тебе нужны?

– Может просто дадите мне простую работу?

– А? Да, конечно, мы так и хотели. Но в своей обуви ты здесь точно ходить не сможешь, надевай сапоги.

– Может не… Тс-с…

Неуклюже переобуваясь, Герман благодарит судьбу за то, что здесь нет никого из знакомых. Парень кажется непостижимо далёким, будто никогда и не освоится здесь, словно так и будет частью другого мира, но не стоит упрекать его в этом. Может ещё успеет привыкнуть. Радует только то, что его телохранитель почти не вмешивается. Сейчас где-то пропадает по своим личным делам во время работы, как на самом деле всегда и происходит. Герман

с неохотой принимает помощь местных с освоением на новом месте, ведь на самом деле задерживаться здесь не намерен и рассчитывает, что оценки ему просто нарисуют. Материнский наказ исполнять не спешит точно так же – это же надо свою жизнь подвергнуть смертельной опасности! Неприятности сами придут, напугают и помогут создать особую способность. Всё произойдёт само по себе, как и всегда.

II. Склонность к побегу

В пятнадцати минутах ходьбы от фермы расположен огромный зеленый луг для выпаса стад. Если пройти по нему дальше, то можно дойти до фруктового сада, а справа от сада находятся горы-границы, которые с такого расстояния совершенно не видны, даже если взобраться на самое высокое дерево. Однако, если подъехать к ним поближе, то вы обнаружите высокие утесы, уходящие вверх, словно желающие дотянуться до неба. Их стены настолько крутые, что по ним практически невозможно взобраться, не имея специального снаряжения. Но мы сейчас здесь и слева же от луга расположен густой лес, в основном состоящий из родных сосен, кедра и берёз, за которым в ста метрах от границ леса, в который дозволено входить, протекает река Ариясма. Выше по течению она образует огромное озеро, которое назвали Аррикама́лу.

Сам зеленый луг примечателен тем, что на его площади возведены четыре высокие каменные стены высотой под десять метров, толщиной в метр и шириной в пятнадцать метров. Они расположены попарно на двух параллелях, расстояние между параллельными стенами так же пятнадцать метров, однако от концов одной пары до концов другой уже четыре метра. Высокие каменные стены возведены для создания тени от палящего света звезды, дарующей жизнь этой планете. Да, это не Солнце. Имя этой звезды – Ка́енесснесс, а освещает она планету под названием Са́ррай, что смогла успешно заменить людям Землю, пусть многие трудности проживания здесь пока и непреодолимы.

Переселение на Саррай было очень длительным и трудоемким. Это не произошло за один раз, даже в новый дом мало кто переселяется лишь один раз приехав туда. Люди прихватили с собой память о всех тех живых существах, что ещё остались на Земле, опасаясь того, что могут возникнуть серьезные проблемы с пропитанием, да и жалость взяла своё. Это были как сельскохозяйственный скот, так и дикие животные, и звери, а также семена всевозможных растений. По задуманному проекту была совершена попытка воссоздать Земную модель живой среды. Перед этим отдельные участки земли на Саррае были буквально выжжены. На восстановившихся территориях возводилась имитация родных мест. Помогло то, что захваченный материк с самого начала не обладал большим количеством опасных хищников и их удалось быстро истребить. Но далеко не везде людям так повезло…

Заповедный лес постоянно расширяется, буквально поглощая города на своём пути. Для кого-то это отличный шанс стать частью развитой цивилизации и возможность зажить спокойной жизнью. Но для слуг Коррозии – это потеря своей власти и влияния. Где-то Леса расширяются активно, а где-то серьёзно тормозят. Именно поэтому гражданам запрещено перелезать через стену из красного кирпича и блуждать по запретной территории, ведь в таком случае их сочтут за вражеский шпионов и будет крайне трудно доказать обратное.

Ещё остались целые континенты, именуемые «Нетронутыми землями», на которых проживает опаснейшая местная флора и фауна, куда человек до сих пор не переселился из-за слишком тяжелых условий для выживания, что уж говорить о мирной спокойной жизни… Однако же какие-то земли людям всё же удалось обжить, с активным использованием цехов сознания и их уникальных способностей. Цехи сознания были обнаружены на этой планете и удачно освоены. Носители этих существ одновременно очень полезны, но и чудовищно опасны. С появлением таких представителей, пришлось придумать большой список мер по их контролю, так как отказаться от них полностью в условиях освоения местных земель просто невозможно. Лесники говорят, что теперь изучение и применение цехов сознания является одной из основных задач и никто и никогда не откажется их использовать. Однако порядок их эксплуатации очень строг, Пограничный очаг возникновения этих объектов и вовсе строго засекречен, известно лишь то, что Лесники тщательно маскируют его местоположение где-то посреди Заповедного леса. Существуют и другие очаги возникновения цехов сознания, однако

их свойства имеют свои специфические особенности, поэтому Пограничный пока считается одним из самых важных и ценных.

На территории Заповедного леса расположена группа городов, каждый из которых стремится к независимости, чтобы избежать эффекта домино, если что-то вдруг случится с одним из них. Между городами налажены рыночные отношения и даже военная поддержка, но людям редко позволяют переезжать из того города, где они родились, такой чести удостоены лишь ценные специалисты, отправляемые для передачи опыта и знаний, да и то на время. При этом все города живут по одним правилам, прописанным в кодексе Единого мира, составители которого, Рэ́данн и Люце́тус, жившие на этой планете много сотен лет назад. По слухам, их цветки сознания до сих пор существуют и вместе с Лесниками следят за тем, чтобы Кодекс не забыли и строго соблюдали. Кодекс Единого мира – это спасение для всех и гарантия процветания.

Но вот именно процветание Заповедного леса не даёт спать спокойно его заклятым врагам – слугам Коррозии. Они мечтают уничтожить города, забрать пограничные цехи, а сам очаг и вовсе уничтожить. Им удалось раздобыть свои ценные объекты из других очагов, но те по своей природе опасны и разрушительны, они оказывают на тело носителя уже другое воздействие, так как каждый очаг рождает уникальные цехи. Расширение территорий протекает довольно медленно, но остановка не планируется, ни с той стороны, ни с этой. Разница лишь в том, что Заповедный лес поглощает те участки территорий, которые уже освоены, либо пусты и почти безжизненны, а слуги Коррозии вынуждены бороться и с Лесом, и с местной фауной, и плюсом ко всему ещё и друг с другом. Но это не мешает двум сторонам оставаться грозными и едва уступающими друг другу. Сторон конфликта, конечно, больше, но остальные в счёт не берутся из-за своей слабости и малозаметности. Со слабыми странами пытаются то подружиться, то их ограбить, поэтому они привыкли никому не доверять и больше не принимают ни чью сторону.

Пограничный цех сознания выглядит как: круглое ядро, вырабатывающее энергию, с растущим из него скелетом ядра, который выглядит как длинные жгутики. На каждом из жгутов расположены органы, именуемые щитками, которые делятся на жаровые и защитные. Более детальное строение пока на стадии изучения. Всё это имеет едва различимую оболочку. Обычно цехи сознания помещаются в младенцев через ещё не заживший родничок, в противном случае уже во взрослом возрасте цех придётся помещать уже в брюшную полость из-за чего могут остаться некрасивые шрамы. Медицинские комиссии отслеживают тех, кто носит в себе цех сознания, не зарегистрировав его наличие официально. Принято, чтобы ценный объект вживлялся только в детей, чтобы иметь возможность контролировать процесс его использования. Для взрослого же человека получить звание носителя является настоящим испытанием со множеством проверок. Да и чаще всего взрослые уже не имеют той энергии и воли, что молодые, они наслаждаются своим предсказуемым спокойствием и не дают ценному ресурсу раскрыть свою силу. Люди, имеющие шрамы от операций или травм, обязаны постоянно проходить проверки, что они не сделали поверх старого разреза свежий, чтобы скрыть нарушение табу.

***

Полдень, 17 мая. Вот уже несколько дней ничего не происходит, а терпение начинает заканчиваться. Проще найти неприятности самостоятельно, чем просто их ожидать, тем более, что уже очень сильно хочется домой. Юноша сидит посреди зеленого поля в тени каменной стены и наблюдает за коровами – местные фермеры учат его пасти стадо. А вот и первая обязанность. Потом прибавятся и другие. Парень в шутку называет себя «студентом фермерской академии», чтобы было не так мучительно здесь находиться. Студент – это временный статус, для кого-то он длится несколько лет, а кто-то собирается избавиться от него уже через пару дней… Максимум через неделю. Герой крайне возмущен своей текущей несвободой. И хотя

он может прямо сейчас встать и пойти куда угодно, его быстро остановят, да ещё и доложат об этом матери. Побег должен произойти ночью и скрытно, чтобы создать запас времени. Здесь так тихо и безопасно, странно, но в новостях постоянно мелькают жалобы на храс я'храс – отшельников, что решили жить как им вздумается.

«– Неужели за всю практику здесь произойдёт лишь один раз что-то интересное? Нет, так я только потрачу время», – возмущается Герман.

Вчера, когда герой впервые в жизни помогал пасти стадо коров, то еле дождался вечера – чуть не помер от скуки и ощущения впустую потраченного времени. Надо было захватить с собой книгу, но тогда казалось, что с коров нельзя сводит взгляд ни на минуту. Да и как бы это смотрелось со стороны? Пастухи наверняка сделали бы замечание. Очень не хочется прослыть здесь «городским», в оскорбительном смысле этого слова.

Парень нервно дёргает ногой, не скрывая своих волнений. Сегодня нет никакой суеты, лишь осторожность. Два фермера – Райт и Остин – пасут неподалёку коров. Зачем люди в таком большом количестве? Необходимо охранять ценное имущество и, разумеется, ещё и друг друга от я'храс и храс – предателей города, ушедших в леса жить отшельнической жизнью, не редко причиняя вред фермам; на перечисление всех их преступлений может уйти целый день. Всё идёт скучно и спокойно: рогатые жуют траву, многие прячутся в тени высоких каменных стен, пастухи наблюдают за своим стадом из нескольких десятков голов. Но по какой-то причине одна из коров отбивается от стада и идёт в сторону леса. Фермеры зовут парня подойти к ним.

– Видишь, корова отошла? – спрашивает Райт у парня и указывает пальцем в сторону животного. – Пригони её обратно.

Парень смотрит на мужчину вопросительно, тот подходит к нему и делает пару хлопков ладонью по спине, подгоняя.

– Давай-давай, учись, – нескрываемо усмехается фермер. – Когда сбежишь от матери, начинать с чего-то всё равно придётся, а в жизни всё пригодится.

Ах да, Герман вспоминает, что каким-то случайным образом удалось создать образ этакого бунтаря, уставшего от материнской гиперопеки. Не признаваться же честно, что жить на всём готовом удобнее и… Да, теперь придётся поддерживать легенду.

Парень вздыхает и с неохотой топает вперёд, пусть он и не планирует становиться пастухом, но проще не спорить и подыграть.

«– Мама слишком осторожная, чего она так боится? Прямо сейчас могу зайти в самую чащу и наконец освободиться от этой трудовой практики».

Он едва замедляет шаг: вот бы позволить корове убежать подальше, тогда он и сам может попасть в какую-нибудь ловушку, наверняка же это какая-то ловушка. Сделав глубокий вдох, студент даже прикрывает глаза, идя по траве вслепую, фантазируя об одиночестве, где наконец никому нет до него никакого дела. Но редкие, драгоценные минуты счастья быстро обрывают.

– Ты что там, уснул? – кричит Райт, он на всякий случай решает проследить за новичком. – Хочешь, чтобы она до реки дошла? Сам за ней поплывешь!

Это, конечно, было преувеличение, ведь река находится немного в другом месте. Однако, герой пока не совсем понимает местные маршруты и поэтому ведётся.

– А они умеют плавать? – спрашивает парень, обернувшись в пол оборота.

– А ты думал! Конечно умеют!

– Ладно…

Шаг ускоряется. Наконец, догнав корову, студент встаёт перед ней и начинает шугать её руками.

– Кыш! Кыш! Иди обратно!

Но корова лишь ходит вправо-влево, не зная, как обойти человека, за спиной которого уже начинается густой лес. Что-то сильно тревожит её, это видно по стеклянным глазам

и дикому рвению убежать, парень даже начинает бояться, как бы ему не прилетело твердыми копытами прямо в голову, но ведь это не лошадь… Хотя, кто её знает, городскому мало что известно о поведении тех, кого он видит не так часто, да ещё и издалека, так что почему бы и нет.

– Палку возьми! – советует издалека Райт, со смехом наблюдая за пареньком.

Тот осматривается и видит под деревом сухую ветку справа от себя, и вот уже делает пару шагов в её сторону, как корова быстро обходит его с левой стороны и рывком мчится в лес.

– Да что ты делаешь! – не выдерживает фермер и уже сам бежит за коровой.

Растерянно постояв немного на месте, студент всё-таки берёт палку и идёт следом. Услышав ломающиеся сучья позади себя, мужчина разворачивается и рявкает:

– За стадом иди следи! Я и без тебя тут справлюсь!

Парень пугается и, растерявшись, останавливается. Ничего не отвечая, идёт обратно. Не хочется спорить с человеком, чьё настроение так быстро меняется, да ещё и по безобидной причине. Хотя для его матери такое поведение довольно привычно, поэтому Герман не сильно обижается.

«– И с этими нервными людьми я должен провести следующие три месяца своей жизни? Нет уж, увольте!» – парень лишь тихо взвывает с досадой.

Но его успокаивает Остин – в отличие от массивного, черноволосого Райта – худощавый, светловолосый мужчина, чуть выше парня ростом, он говорит, что около лесов всегда все на нервах, даже хуже водителей в час пик.

Корова ни в какую не хочет идти обратно, упирается и пытается обойти фермера, даже плети не удаётся уговорить её развернуться, но как только разговор становится более жёстким, беглянка сдаётся и возвращается обратно.

– Да что с ней такое сегодня? Трава на поляне надоела – ягод решила поискать? – вслух недоумевает мужчина.

Для пастухов время тянется привычно и уже даже незаметно, а вот для городского каждая минута как пять и ощущается как жуткое мучение. Чем сильнее жажда побега, тем невыносимее заточение. Но это лишь по началу, в конце концов, привычное чувство городской суеты отступает и наступает спокойствие, словно душа входит в новый ритм окружающей действительности. Но всё равно скучно. Единственная здешняя радость на данный момент – это долгожданный прохладный ветер, что мягко и освежающе обдаёт тело. Но стоит с блаженным чувством прикрыть глаза, как ветер-предатель тут же куда-то пропадает. Сейчас настолько жарко, что приходится сидеть в тени стен. Недавно прошёл мелкий дождь, и теперь испаряющаяся влага пугает ощущением, словно на ноги дышит огромный невидимый пёс.

И вот скажите, кто выдержит такие условия климата? Разумеется, что не все. Прире́ригана – подземный город, истинное название которого намеренно не произносят те, кто этот город открыто презирает и полноценным городом не признаёт. Он находится как раз под Пятым и имеет множество вдохов и выходов прямо посреди наземных улиц. По состоянию этих входов-выходов отчётливо можно проследить отношение жителей отдельно взятых улиц к жителям Прирериганы в целом. Хотя этот город первоначально был построен из-за нехватки земли, а ещё бункер на случай войны, люди, что подолгу живут там, давно отвыкли от жизни на поверхности и им теперь крайне тяжело вернуться обратно, в том числе и психологически. У них есть собственные сады с прозрачными крышами, выходящими на поверхность, чьи окна периодически открываются, поэтому нехватки ультрафиолета и свежего воздуха мало кто ощущает – после работы всегда можно пойти в сад и посидеть на лавочке. Так как под землёй можно спутать день с ночью, не имея при себе часов, рабочие смены и в целом режим дня сильно сбиты, по сравнению с жизнью на поверхности. Большинство людей бодрствуют уже в три часа утра, работают до полудня, а ложатся спать часов в пять вечера. Школы, правда,

есть только на поверхности и имеют лишь один график обучения, поэтому чем ты младше, тем проще переезд на «верхние этажи» и адаптация к нормальной жизни.

Подходит время обеда. Прямо в тени всё той же стены, где сидит парень, пастухи расстилают покрывало и разворачивают прихваченную с собой еду. Очень похоже на обычный пикник, в целом так и есть. Очень удобно в стенах выдолблены полочки и места под ящики для хранения металлической посуды и прочих вещей. Незаметно корова-беглянка подходит к мирно сидящим людям и ложится на траву рядом с ними.

– Что такое? – спрашивает Райт, повернувшись к корове. – Пришла нас послушать?

Корова не отвечает, лишь смотрит по сторонам, словно осматривая территорию вокруг.

Еда на удивление оказывается вкусной – особенно острое мясо, – чем заметно поднимает настроение, а нахлынувшая порция прохладного ветра окончательно прочищает голову. Взору наконец пристаёт то самое лето, которым всё никак не удавалось насладиться. Привычное лето для Германа – это не прогулки с друзьями, а бесконечные дополнительные занятия с репетиторами. Именно поэтому, когда он сбегает, чтобы побыть ребёнком, его мама серьёзно злится.

– Эта корова так странно на меня смотрит, – замечает студент, встретившись с рогатой взглядом. Она смотрит в упор прямо на чужака, не моргая.

– Испугался? – подкалывает Остин. – Говорят, животные чувствуют плохих людей.

«– К чему он вообще сказал это? Не понимаю местный юмор. А, хотя… Они не доверяют мне? Это намёк или проверка?»

Кто знает, что в голове у той, кто даже не может объяснить это на понятном языке или хотя бы жестами? Никакой мимики, никаких сигналов, даже мотание хвостом ничего не означает, кроме как желание отогнать от себя насекомых. К тому же, студент впервые находится нос к носу с таким большим животным, что тяжелее его в разы – чего только стоит эта огромная голова! – и это безмолвное переглядывание до жути пугает. Парень и корова вскакивают на ноги практически одновременно. Это пугает героя ещё больше.

– Воу-воу, – Райт встаёт между Германом и коровой. – Да мы же просто пошутили, не знаю, что с ней сегодня. Может, капризы беременной…

– Она беременна? – спрашивает студент и отходит вбок, чтобы рассмотреть корову повнимательнее. Корова в ответ также рассматривает подростка с ног до головы.

– До сих пор не заметил? – спрашивает тот, кто заслоняет собой вид.

– Я коров каждый день вижу, по-вашему? Откуда мне знать, толстая она или беременная?

– Беременная, рожать скоро, – говорит Остин, теребя в руках какую-то травинку. – Завтра в коровнике оставим, а то ещё в поле рожать начнёт.

Корова начинает мотать головой и нервно дышать.

– Что? Не хочешь дома рожать? – усмехается Райт. – Ну мы тебе не ветеринары, а если что-то не так пойдет?

«– Либо корова правда всё понимает, либо эти люди с ума сошли от одиночества в этом поле», – подумывает парень и присаживается рядом с Остином, оставляя странную корову болтать с местным чудиком.

***

– Мне вот лет семнадцать было, – говорит Райт, – я уже из дома ушёл, невесту себе нашёл, но что-то не получилось. У тебя там как, есть девушка?

Все эти навязчивые расспросы снова и снова заставляют героя закапываться в ещё большую ложь, лишь бы уйти от ответа и поскорей закончить диалог.

– А… нет, – отвечает Герман.

– Да, тяжело тебе. Наверное, не знаешь, тебя она любит или твои деньги. А съезжать, когда планируешь?

– От семьи?

– Ну да, жить отдельно-то пора.

– А… да.

– Так, когда собираешься?

– Ну вот, когда… способность появится.

– И потом работу искать будешь?

– Ага, какая способность выйдет, такую специальность и буду искать.

– Так тебе нужно не на месте сидеть, а что-то соображать.

«– Как будто я без тебя это не знаю…»

– Так вот я и жду, может, свалится моя судьба мне на голову.

– Нет ты подожди, – Райт присаживается чуть поближе. – Ждать не обязательно. Нужно очень сильно чего-то захотеть…

«– Сейчас я хочу, чтобы меня оставили в покое…»

– … Только нужно внимательно сосредоточиться, понимаешь? Некоторые очень сильно чего-то хотят и у них выходит. Только нужно, чтобы…, – Райт облизывает губы и смотрит куда-то вверх, пытаясь подобрать слова, а правой рукой будто хочет ухватить нечто невидимое, – …нужно, чтобы ты этому мог свою жизнь посвятить, чтоб ни капли сомнений, полная уверенность.

– Хорошо, постараюсь.

– У каждого человека ведь свои таланты, каждый рождается уже каким-то особенным, а если у тебя есть цех сознания, то ты сможешь показать это куда ярче обычных людей.

После обеда, когда Райт уходит к реке, чтобы прополоскать посуду, Остин остаётся с Германом наедине.

– Знаешь, зачем Райт пошёл за тобой? – спрашивает мужчина.

– М? – студент теряется от неожиданного и странного вопроса.

– С тех пор, как ты приехал сюда, я'храс рыщут по лесам чаще обычного.

– Я как-то не заметил… Думаете, из-за меня? Нет, это бред!

– Так ведь ты подросток! И у тебя проблемы с родителями, кого им ещё похищать?

«– Нет у меня никаких проблем, это вы меня совсем не понимаете!»

– К этим тунеядкам я не присоединюсь, к тому же, я видел на ферме беременную девушку, наверняка они ждут, когда она родит, – обороняет парень.

– А может, и вас двоих хотят! Тебя одурманят, а ты им дитя принесёшь, ведь им на ферму попасть сложно.

– Не присоединюсь я к ним! – герой задыхается от возмущения, отскакивая подальше.

Что за отвратительные подозрения! Этот разговор быстро наедает, и парень спешит оказаться поближе к Райту, чтобы Остин поскорей прекратил играть роль курицы-наседки. И вообще, как он посмел подумать о нём такое! Вот и понятно теперь, за кого именно его здесь держат и к чему все эти шуточки. Оскорбительно.

– Ну как знаешь… Они только и ждут, как кто-нибудь, на кого возлагают непосильные надежды и задачи, сломается.

– Я не такой, – раздраженно-уставши отвечает подросток, тяжело вздыхая.

– Извини, конечно, я ничего не говорю о тебе, но они и проклясть могут и мысли запутать, так что будь осторожен!

– Да-да-да, – протороторивает парень, отмахнувшись.

«– Я'храс, – рассуждает студент, заранее сочиняя и репетируя свою будущую речь, когда станет „важной шишкой“. – Я'храс крадут наших детей! Наша задача – искоренить их… Таак. Мне нужно выискивать сейчас проблемы обычных людей, чтобы потом знать, что обещать

им в будущем. Так ведь обычно делают политики? Значит, я'храс… Нет, стоп! Я не должен говорить об искоренении – я должен изображать сострадание ко всем. Нужно делать вид, будто я сочувствую всем без исключения».

Дневной разговор сразу вылетел из головы, парень совсем его не помнит и не держит обиду на фермеров, его быстро успокаивают только мечты о прекрасном будущем.

III. Оплеуха

За последние два дня герой узнал, что коровы – проблемные животные. Их постоянные побеги в лес уже серьёзно действуют на нервы. С каждым разом всё больше коров начинают отбиваться от стада; собака, что должна мешать им это сделать, безучастно слоняется по округе, отлынивая от своей работы. Это и к лучшему: парень до смерти боится пса и ему куда спокойнее, если того не будет поблизости. Рогатых привязывают верёвкой к вбитым в землю колышкам, но те вырывают их; привязывают к деревьям и те чуть ли не вешаются; обвязывают верёвку вокруг тела, а они стирают кожу до костей, куда тут же откладывают свои яйца мясные мухи. Привязывают верёвки к ногам, но коровы ложатся на землю и начинают истошно выть, отказываясь от еды. Что-то или кто-то манит их глубоко в лес.

Но всё резко прекращается двадцать первого мая. Райт и Остин говорят парню, что коров пугают я'храс, а сейчас они куда-то ушли. Не зная, как должны вести себя данные животные, герой верит в то, что так и должно быть и подобное поведение – вещь обыденная. Фермеры же стараются не сеять панику, не показывать свой страх «ребёнку», сохранять самообладание. Хотя калечащих себя коров всё же решают оставлять в коровнике, чтобы они никуда не сбежали, и кормить свежескошенной травой с крупами.

Когда всё становится спокойно, парень снова впадает в скуку. Кое-как дождавшись вечера и долгожданного возвращения обратно на ферму, подросток тут же узнаёт, что на этом дела не заканчиваются.

– Сегодня местная парочка празднует свадьбу! Приглашены все, так что приоденься хорошо – там и местные девчонки твоего возраста будут, – с намеком подмигивает Райт, завязывая на шее коричневый галстук, что будет украшать белую рубашку.

Герою пока не доводилось знакомиться с местными поближе. Во-первых, он видеть никого не хочет и всё время сидит в комнате, читая книги из местных коллекций; во-вторых, все, в том числе и он, постоянно заняты работой, поэтому даже нет возможности хоть с кем-то познакомиться. Он уже успел передумать с поиском неприятностей именно здесь и давно замышляет заполучить особую способность где-нибудь в другом месте. Парню кажется, что конфликты с храс и я’храс либо серьёзно преувеличены, либо он попросту может за всё лето не дождаться стоящей ситуации, где его жизнь будет подвергнута опасности. Проще вернуться в центр города, забрести в опасные районы и нарваться на неприятности, чем ждать здесь неизвестно чего. И тогда жизнь изменится. В ней появится что-то, что круто её поменяет, поможет определить дальнейший путь и найти работу, а самое главное – мать наконец успокоится и наступит тишина, мир да покой. Лишь бы этой переменой не стала инвалидность, разумеется. Мысль о подобном риске заставляет колебаться и откладывать побег на другой раз.

Но если быть честным с самим собой целиком, то Герман боится признать себе, что снова складывает жизнь в привычный для него образ – сидеть дома перед книжками. Он всю свою жизнь был заперт в четырёх стенах, хотя и выходил из дома каждый день, чтобы добраться до школы, но почему-то жажда перемен перегорает в нём слишком быстро. Есть лишь надежда попасть в настолько нестандартную среду, что сам он действительно начнёт меняться. Хотя жизнь на ферме и является чем-то нестандартным, но всё же возможность жить по-старому более-менее сохранена, а это недопустимо. Вернее всего было бы уже начать жить примерно так, как он будет делать это в будущем, но так как тип способности неизвестен, то сложно представить каким оно будет это самое будущее. Но если эту способность создаст он, его собственный разум, то может ли ответ на этот вопрос подсказать сердце?

– Я вас понял, – отвечает парень, устало вздохнув, понимая, что это место затягивает его будто болото, ведь его целью никогда не было слиться с местным обществом, но другого выбора сейчас нет. – А что за парочка?

– Видел, беременная девушка ходит здесь часто? Вот как раз у неё, – отвечает Райт, стоя у зеркала и приводя себя в порядок.

– А жених?

– Увидишь на свадьбе.

– Я ещё не видел его?

– Его редко кто видит, – с грустным смехом подмечает мужчина. – Гуляка он ещё тот.

– Так зачем тогда свадьбу устраивают?

– Обещал исправиться.

– И кто в это верит?

– Хм, думаю, это уже не наше дело.

***

Уже поздний вечер. Из-за западных гор, что находятся значительно ближе северных, темнеет очень рано, вот и сейчас, идя по тропинке вдоль зелёных полей, слева и справа почти ничего не видно. Непроглядная тьма, сгущающаяся в лесах поблизости, будто стекает с еловых веток и, словно чернила кальмара в океане, растекается во все стороны, заползая на поля. Её рассеивает лишь мерцающий свет впереди. Свет людской деятельности, в прочем, не создающей внушительного сопротивления. По фермерской традиции свадьба проходит под фруктовым садом. Яблони, сливы, вишни, ягодные кусты и множество всего ещё. Почти все они до сих пор цветут и выглядит это просто невероятно. Если бы новобрачные промедлили ещё на неделю, это место было бы унылым и скучным: гости топтались по увядшим лепесткам, а с наступлением темноты пропали намёки на культурность этого места. Даже издалека прекрасно видно наличие пышного праздника: громкие веселые крики, на деревьях развешаны светящиеся гирлянды, дети бегают повсюду друг за другом. Какие-то местные свадебные конкурсы уже подходят к концу, видно, что люди уже начали уставать. Кто-то просто танцует уже из последних сил, кто-то ест, кто-то пьет, а некоторые из собравшихся стоят около небольшого футляра-факела и греются.

Футляр-факел образуется после смерти носителя цеха сознания, который умудрился не получить за всю жизнь никакой способности. Он выглядит как каменно-металлический столб, напоминающий тощую человеческую фигуру, с полукруглой чашей там, где должна быть голова, по краям чаши видны обломки сетки, которая раньше имела форму цельного шара и удерживала цех сознания в футляре. Этот футляр усеян голубыми кристаллами, которые закупоривают собой дыры и образовавшиеся бреши из-за износа и негативного влияния погодных факторов. Чаще всего люди сами чинят футляры, используя медный купорос или другие металлические материалы, чтобы продлить срок службы предмета. Существуют целые профессии, занимающиеся этой задачей и даже похоронные службы обязаны знать все правила. По ногам, закрученным, будто карамельный леденец, видно, что в момент формирования этого факела, кто-то знающий помогал ему принять ровную форму: тело, умершего в тайне, выглядело бы характерно криво и по-настоящему ужасно, вот его бы, так и быть, упокоили в земле. Носители цеха сознания, или же проще говоря «ядра», заряжают футляры и те начинают действовать, пока не закончится энергия. Вот почему важно, чтобы энергия не просачивалась наружу через дыры. Пусть может показаться, что держать футляр-факел здесь слишком жутко, но у вас должно быть достаточно совести, чтобы проявить уважение к одинокому человеку, который посвятил этому саду всю свою жизнь; он заслуживает быть здесь.

Уже наступил сумрак, но небесное светило, чей свет едва пробивается вверх на горизонте, вот-вот сдвинется чуть влево и высокие хребты заслонят собой остатки света. В городах, что окружены горами, ночи длятся долго, поэтому всякого рода гирлянды и светильники, включая яркие вывески, являются одними из самых ходовых товаров. Хоть сегодняшний день и был довольно жарким, но с наступлением вечера становится немного прохладно.

«– Неужели ночь почти наступила? Теперь время пролетает так быстро…», – с грустью думает герой. Возможно, ещё не так уж и поздно, просто без наручных часов, которые он, к сожалению, сегодня забыл на прикроватной тумбе, ход времени теперь трудно отследить. К тому же в городе приход вечера ощущается не сразу из-за обилия фонарей и светящихся вывесок, но только за его пределами начинаешь вспоминать, что день прилично укорачивают горы, служащие границами территории Пятого, пусть и кажется, что они достаточно далеко. Вернувшись с поля, герой не замечал, как темнело, так как увлечённо читал книги при свете ярких ламп в своей временной комнате или в доме для отдыха.

К сожалению, ничего симпатичнее серой спортивной формы он найти не смог – работник особо не переживал по этому поводу, когда покупал новые вещи. Скорее всего, он думал о том, что в этом месте ничего лучше носить не стоит. Немного расстегнув куртку, чтоб выглядеть хоть немного получше, парень поднимается на высокий пригорок и заходит в сад. Но первыми его замечают зкоры – кровососущие насекомые, напоминающие земных комаров. Они здесь от того, что река совсем близко. Но не стоит унывать, наверняка у кого-нибудь есть отпугивающее средство – отличный предлог познакомиться.

Сзади, в ногу парня, в районе обратной стороны колена, мгновенно врезается твердый нос пса, догнавшего его. Собака весело виляет хвостом и обнюхивает героя, желая подружиться. Но тот испуганно замирает, поднимает руки вверх и отводит взгляд в противоположную от пса сторону, пока тот кружит вокруг него, иногда избивая длинным хвостом.

– Неужели до сих пор не познакомились? – со смехом спрашивает подошедшая к ним молодая девушка.

– С кем? С вами? Мы можем это исправить, – пытаясь скрыть тревогу, заигрывает Герман, хоть ему ужасно неловко даже от собственных слов.

– С псом! Он же пасёт коров вместе с вами, – девушка садится около рыжего пса и начинает чесать за его ушами, забрав всё внимание на себя. Парень с облегчением опускает руки.

– Я был слишком занят своими мыслями. Так как его зовут?

– Спрэг.

– А… интересно. А вас как?

– Я Маша, – собеседница отвечает на вопрос, не поднимая взгляда.

Наступает неловкая пауза. Странно и непривычно, обычно девушки сами засыпают парня вопросами.

– А меня зовут…, – парень собирается назвать своё имя, но тут девушку кто-то зовёт, она поднимает голову и тут же убегает.

«– Да что это я! Действительно собрался с кем-то здесь знакомиться? Они же все деревенщины – у меня опять будут проблемы! Местные совсем меня запутали! Они не понимают, что мы из разных миров! Мне просто нельзя быть таким же! Не останусь же я здесь надолго и общение не продолжу… Скоро мы снова будем друг другу никем».

Однако, к отсутствию внимания парень не привык, пусть и сам упорно выдерживает дистанцию. Может стоит пройти дальше? Полностью выйти на свет, чтобы было видно герб семьи на груди? Так герой и поступает. Но люди вокруг, похоже, уже слишком устали, чтобы обращать внимание на гостя. Тогда он находит себе место за общим столом, садится на деревянную лавку и осматривается по сторонам. Просто сидеть тоже глупо, да и после работы надо что-нибудь пожевать. А что потом? Просто пойти спать? Свадьбы празднуют два дня и больше, но у него ведь производственная практика – дополнительных выходных точно не дадут! От ночного воздуха клонит в сон, хочется очутиться в тёплой и мягкой постели. Но надоедливые зкоры мешают насладиться этой сладкой мечтой. Секунда и маленькие искорки на мгновение вспыхивают вокруг героя. Но на смену погибшим сородичам налетают следующие.

Нет никакого смысла находиться здесь и дальше, мучать себя, осознавая, что уже завтра утром снова придётся целый день работать, встав с утра по раньше, даже не успев прийти

в себя. Он и сейчас чувствует, что не имеет сил существовать – ненавидя свою реальность, злоупотребляет эскапизмом, лишая себя сна, панически боясь наступления завтра. Чем ближе осуществление мечты, тем активнее Герман оттягивает этот момент на завтра, когда-нибудь потом. Из-за наивной уверенности, что успех обеспечен, а впереди ещё полно времени, парень устраивает самосаботаж, нужен новый стимул двигаться дальше, а потом снова какой-нибудь.

«– Нет, так нельзя. Я должен быть дисциплинированным. Я должен делать то, что правильно, даже если на это нет никакого вдохновения».

Он чего-то боится, но чего? Перемен? Ведь в жизни и так всё не плохо, одни лишь люди не могут жить без суеты и шума. Но если сейчас у всех праздник и время отдыха, то надо и самому отдохнуть, но в компании своих товарищей. Тех, которые не нравятся матери, но она и сама не идеальная… Именно сегодня есть идеальный шанс позвонить друзьям и договориться о побеге отсюда. Чего же ждать? Ведь были же мысли об этом, так, когда это должно было произойти, как не сегодня! Хватит откладывать всё на потом. И надо бежать отсюда поскорее, пока его присутствие толком ещё не замечено!

***

Выйдя из сада, он тут же бежит вниз, к травяным полям. Из-за наступившей темноты, а вместе с ней и тишины, наваливается усталость и головная боль. Хоть путь и не сложный, но здесь очень много ям и камней, приходится замедлять бег, чтобы не упасть. Впереди, в свете отвернувшего свой взор Каялити́на – спутника Саррая, – видны тёмные силуэты небольших ёлочек, разбросанных по всему полю. Когда глаза привыкают к темноте, то парень замечает неподалёку, как одна из чёрных ёлок раздваивается, и отделившаяся часть начинает двигаться, как раз к нему навстречу. Парень резко останавливается и начинает медленно пятиться назад, не сводя взгляда – это может быть кто-то опасный. Хищник, затаившийся посреди пейзажа. Похоже, незнакомец замечает смену курса.

– Прости, если напугал, – говорит мужчина приветливым тоном. – Я местный врач, просто направлялся к невесте, проверить как её состояние. Шумный праздник может быть для неё настоящим испытанием.

– Чем докажешь? – кричит ему парень в ответ.

– Вот, – врач поднимает вверх свой чемоданчик с лекарствами и инструментами. – Я не с пустыми руками. Это рабочие инструменты.

– Отсюда не видно!

– Если б я что-то задумал, то не орал бы здесь с тобой во всеуслышание так долго! Какой хищник будет вести себя так шумно?

«– И впрямь…»

– Логично! – парень делает глубокий вздох и останавливается, нужно успокоиться. С другой стороны, у него ещё нет способности, если этот тип действительно храс, то она может возникнуть из-за опасной ситуации. Тогда не придётся прибегать к хитроумным планам, чего-то выжидать. Вдруг главное поручение матери действительно будет выполнено быстрее рассчитываемого. А может даже уже завтра он будет валяться в собственной постели и обедать в столовой родного дома!

«– Надеюсь, мама не уволила новую повариху, она так хорошо готовит», – мелькает мысль в голове.

– Ты ведь живешь на ферме? Должен меня знать, я к вам каждый день захожу, – говорит мужчина, направляясь навстречу.

«– Он ведёт себя достаточно правдоподобно».

Все звуки словно исчезли, остаётся лишь неловкая тишина и голос этого незнакомца. Голос, который нельзя игнорировать, нужно ответить и как-то среагировать. Собравшись, парень сжимает кулаки и трогается с места, идёт вперёд и надеется, что всё пройдёт без про-

исшествий. На всякий случай, жаровые щитки наготове. Мужчина ведёт себя спокойно и идёт не спеша. Но когда герой подходит к нему вплотную и пытается обогнуть, то краем глаза подростку кажется – а быть может, это просто самосохранение, – что тот пристально на него смотрит. Ложный страх от настоящего уже неотличим. Хотя какая-то часть мозга отказывается реагировать на эту ситуацию и почему-то сохраняет губительное спокойствие. Словно сознание безмозглой скотины диктует желание просто идти дальше, не видя никакой опасности, чтобы прилечь и поспать, в то время как хищник уже вот-вот вонзит в шею свои острые когти. Как же так вышло, что всего неделя на ферме привела к такой деградации? С чувством стыда приходит мысль о том, что сначала тело было лишено нормального режима отдыха, а теперь из-за усталости пропала бдительность, это же просто иллюстрация того, как самым страшным врагом для себя являешься ты сам. Так жить нельзя, обязательно нужно исправляться, прямо сейчас, а иначе – гибель! Нет, виновен не только он! Мать просто не даёт и шанса на выбор! Обычная жизнь человека: уступать там, где требуют; соглашаться со всем, с чем «обязан» соглашаться; переживать позор, самостоятельно унижая себя, лишь бы не начался конфликт с другими людьми, и ты не оказался «эгоистом» или «предателем». Сначала пришлось принять переезд на ферму, свою якобы вину. Далее пришлось целыми днями пропадать в поле и буквально сидеть на одном месте. А вечером снова никакой активности, кроме ухода в иные реальности с помощью книг. Ещё и обладание цехом создаёт сказочную иллюзию неуязвимости. Нельзя переставать думать, переставать жить, не всё то, что делают все, является правильным. Так вот о чём говорила семья всю жизнь: эти люди действительно такие, что сложно придраться, но если будешь находиться слишком долго среди них, начнёшь не то что придираться к самому себе, а уже откровенно и люто презирать. Презирать самого себя. За то, что сейчас плевать на происходящее, за то, что мозги не работают как надо, за то, что всю эту неделю потратил время во вред самому себе, хотя цели были противоположные.

И именно это презрение заставляет парня поднять глаза на незнакомца, только бы не погибнуть прямо сейчас настолько глупо. На долю секунды подростку кажется, будто мужчина над чем-то смеётся. Испугавшись, он пытается отскочить в сторону, но запинается о большой камень позади себя. Мужчина быстро реагирует и ловит паренька левой рукой за правую руку, не позволяя упасть. Герман не успевает даже испугаться падению или хоть что-то сообразить.

– Ой, осторожней, здесь опасная дорога, – теперь уже незнакомец всматривается в лицо парня. – Нет, ты всё-таки не местный. Я тебя не видел здесь раньше.

– Я приехал недавно и скоро уеду, – отвечает Герман, часто моргая – его клонит в сон, мозг-предатель снова издевается над ним. Где этот бодрящий адреналин, когда он так нужен?

Очень быстро под ладонью, что держит парня, становится жарко – у незнакомца тоже есть цех сознания. Частенько, когда носители цехов не высвобождают лишнюю энергию вовремя, то температура их тел начинает повышаться. Оба случайно выдыхают одновременно, застилая образовавшимся клубом пара обзор друг на друга.

– Приехал на свадьбу? – не прекращает свои расспросы врач.

– Нет, у меня здесь практика, – Герман упирается ногами в камень, нависая над ним, ещё немного и перевалится на другую сторону, но спаситель не позволяет этому произойти, он не спешит ни разжимать свою руку, ни помочь подняться.

– Почему именно здесь?

– Я устал от этого допроса. Можете меня, наконец, отпустить?

– Но это место самое неудачное для практики. Почему ты не пошёл со всеми, когда был набор?

– Не ваше дело! – изможденный организм защищается через гневное раздражение, мечтая поскорей оказаться в постели и не вставать до полудня. – Отпустите мою руку!

Тот, кто назвал себя врачом, рывком тянет парня на себя, помогая тому подняться, но незнакомец тут же делает подсечку ногой, и герой всё-таки падает, но, по крайней мере, спиной на траву, а не через камень головой вниз.

– Не смей грубить старшим, – говорит оскорбленным тоном мужчина и по итогу уходит в сторону сада, как и говорил.

Тихо выругавшись, парень поднимается с земли и оттряхивает с себя пыль. Теперь, когда он снова оказывается наедине с собой, мысли могут прийти к своему логическому выводу. Или не могут. Теперь в голове лишь пустота. В момент падения мир словно перевернулся и всё вокруг кажется сном. Этот человек просто ушёл, но чувство страха нарастает лишь сейчас. Это слишком поздно! С таким притуплённым чувством опасности он просто не сможет ничего сообразить, когда выпадет опасный момент. Будет таким же спокойным, как идиот, который не понимает, что происходит.

«– Я просто устал. Так устал, что плевать на всё. Когда восстановлю силы, то верну себе внимательность и начну думать здраво. Мне просто нельзя доводить себя до истощения, нужно больше отдыхать. Да как отдохнёшь, когда все кругом говорят и говорят, и говорят, и говорят! Люди говорят, в книгах тоже разговоры, в песнях тоже какой-то текст. Нужна абсолютная тишина. Тихое место, где ничто не будет отвлекать».

Теперь время без дела не кажется таким уж бессмысленным. Всё-таки полная тишина и бездействие – это тоже польза, должен же мозг уложить всё по полочкам и выбросить ненужные мысли. Возможно, что люди даже перебарщивают с потреблением информации, поглощают столько, сколько не могут переварить. Забывают всё, просят ещё и опять ничего не запоминают. Вспоминают только как сон, который снится второй раз и только тогда осознают, что уже видели это. А как проснутся, то опять всё забывают. Можно так сильно забить свою голову информацией, что по итогу будет сложно вспомнить даже собственный возраст. Будет доходить до стыдного, когда вроде бы умный человек, а забыл самые простые названия, которые знает даже ребёнок.

***

Проделав петлю, Герман пришёл к реке и сел на траву возле берега. Глаза уже привыкли к темноте и стало даже казаться, будто в округе посветлело. Зкоры очень быстро облепили со всех сторон, стали лезть в уши и глаза, было даже трудно дышать. Пришлось пересесть прямо в заросли полыни, чтобы хоть так от них спрятаться. Это и к лучшему, ведь укрыться хотелось ото всех. Не было смысла привлекать чьё-то внимание видом одинокого парня посреди места без свидетелей, ведь он не смог бы ничего придумать по поводу своей защиты.

«– Так чем бы я занимался, появись у меня особая способность? Можно ведь делать часть вещей уже сейчас. Вот, к примеру, пробежка или просто пешая прогулка. От этого я никак не отделаюсь, это в конце концов полезно для кардио. Мне придётся много двигаться или по работе, или специально, даже если в этом нет видимой необходимости, я должен нагружать себя искусственно, как это делают космонавты: им не надо ходить, ведь они парят в невесомости, однако, на тренажёрах каждый день занимаются».

Если долго пребывать в полной тишине, то можно услышать собственные мысли, вспомнить давние планы или ещё что-нибудь неожиданное. Может, как раз, и давние страхи подтянуть, да решить их наконец. Кто-то думает, что его продуктивность повышается ночью, но на самом деле это происходит, когда человек отбрасывает в сторону все дела и решает, что на сегодня он от них освобождён. Мы обманываем себя перед тем, как потратить часы за чем-то вредным, что лишь на пять минуточек на это взглянем. Так почему бы не обманывать себя так же с работой? Пообещать себе всего двадцать минут, а потом потратить больше.

Герман достал из кармана телефон и разблокировал экран, свет мигом ослепил и он, смотря одним глазом, убавил яркость на самый минимум. Он нашёл приложение с таймером, стал создавать списки и подписывать для чего они.

«– Вот так. Полностью посвящу себя отведённому времени, целиком, зная, что таймер меня в конце остановит. Я часы теряю за всякой ерундой, двадцать минут на что-то важное не выглядит как что-то страшное. Могу даже уговорить себя тем, что не буду эти двадцать минут ничего делать, буду просто смотреть на это».

Тёмная гладь воды слегка рябила из-за ветра. Иногда на поверхности звучал всплеск и появлялись пузырьки из-за сплавляющейся рыбы. Высокая полынь защищала от ветра, пусть и слегка смочила одежду скопившейся на себе влагой от тумана. Малейшее усиление ветра заставляло лес шуметь, а парня оборачиваться на шелест, опасаясь, что кто-то спрыгнул с веток. Когда все мысли закончились, обещания себе были даны, планы расписаны, очень сильно захотелось к людям, что ещё недавно раздражали. Но где люди, там и тёплый очаг, безопасность, еда и сон.

«– И куда я вообще забрёл?» – отчитывал себя Герман, пока с неохотой шёл обратно. «– Туда шёл куда быстрее».

Но воспалённый ум быстро подбросил новую идею – надо позвонить друзьям. Нельзя же резко оказываться в чуждой среде и при этом хорошо себя чувствовать, должны же быть выходные, в конце то концов.

«– А быть может именно этот стресс не даёт мне трезво мыслить. Когда я знаю точно, кем являюсь, то тогда уже точно знаю, чего я хочу. А это место меня путает, лепит из меня кого-то другого».

Голова ужасно болела, хотелось спать так, что казалось, будто сейчас потеряет сознание, но парень решил совершить задуманное именно сейчас. Он набрал номер своего близкого друга и попросил забрать его с фермы завтра вечером. Язык заплетался, слова забывались, Герман терял мысль и делал долгие паузы. Но Эдвард всё же смог выудить нужную информацию через множество вопросов, которые герой будто и не слышал.

***

Эта ночь оказывается такой же неуютной и жуткой, как и предыдущая. Под полом за стенами дома слышны быстрые шорохи, словно сотни маленьких коготков пытаются что-то выкопать. Фермеры лишь привычно отмахиваются, когда говоришь им об этом. Крысы – дело обычное там, где держат скот. На этот случай есть кошки, но в последнее время они разленились. Возможно, что добычи становится настолько много, что сытые хищники стремительно перегорают к охоте. Пойманного им хватает, а на излишек уже не остаётся азарта. Как бы то ни было, грызуны находятся не в доме, а лишь пытаются прогрызть путь в него, так что ближайшее время пройдёт весьма безопасно, так как строение выполнено из прочного белого кирпича. Парень уедет отсюда к тому времени, когда будет прогрызена хоть одна дыра в камне.

Герман равнодушно задёргивает штору у изголовья кровати и ложится в постель. События протекают ужасно медленно, ну почему текущая ночь уже не завтрашняя? Серьезно, нужно убить целый день перед глотком свободы? Герой лежит на спине, закрыв глаза, погруженный в свои думы, даже не замечает, как грёзы перетекают в сон, где он уже не властен. Всю ночь он будто бы и не спит, а лишь на секунду засыпает, тут же просыпаясь. И так десятки раз – слишком сильно волнение. Но ближе к утру уснуть наконец удаётся. Во сне он видит себя там, где находится сейчас в действительности, в то время, которое протекает на данный момент, словно лишь веки теперь прозрачные. В груди нарастает чувство паники, грозясь захлестнуть сознание, но этого не происходит, так как парень осознаёт, что находится в кошмаре и страх не обоснован. Тело парализовано, но сейчас лучше и не двигаться. По законам сна в голове держатся неожиданные факты, воспринимаемые в этом мире за чистую правду, а в реальном

за абсурд. Пусть он их и не видит, но под кроватью точно есть крысы – целое полчище! – пусть он и не поднимал взгляда, но точно знает, что в штору над головой вцепились несколько грызунов, перебирая лапами, словно вот-вот сорвутся вниз. А ещё грядёт крайне нежелательный гость. Кто-то, похожий на человека, король и покровитель мрачного роя. Его присутствие ощущается в доме, он уже здесь, но медлит переступить порог спальни. Он вот-вот зайдёт в комнату и мгновенно обнаружит того, кто хоть немного пошевелится, выдав себя. Страшно дышать, страшно моргать. Но сон наконец растворяется, а пугающий гость так и не успевает показаться.

IV. Потерянность

Проснувшись раньше будильника, герой наскоро оделся и вышел на улицу ещё до рассвета. Было очень прохладно и сыро, всё заволокло туманом и едва удалось найти по памяти нужный домик. Чтобы убедиться по поводу своего законного выходного, Герман пришёл к главе фермерского хозяйства, чтобы об этом поговорить. Мужчина уже не спал и во всю работал, перебирая какие-то папки с бумагами. Внезапно выяснилось, что выезжать за пределы фермы парню запрещено.

– Почему это? – возмутился герой.

– Но ведь я отвечаю за тебя, пока ты здесь.

– Но вы же можете выписать мне какую-нибудь справку?

– Какую такую справку?

– Ну я не знаю. До меня не было таких ситуаций?

– Не было, – мужчина бессовестно врал, нагло смотря парню прямо в глаза. – И, тем более, твоя мама велела тебя никуда не пускать.

– Я ей не принадлежу.

– За то ей принадлежит слово, которое я ей дал, что ты будешь здесь до самого конца практики.

– Я понял…

В расстроенных чувствах Герман вышел из кабинета, его трясло от злости. Пейзажи вокруг давно осточертели. В этом городе нет такого района, который Герман не видел бы хоть раз. Всё одно и то же. Каждое дерево в округе уже выучено наизусть. Мир так огромен, но приходится ютится на этом маленьком клочке земли с занудами, от которых некуда бежать.

«– Плевать, я всё равно уйду! Мне нужна способность, а не этот бесполезный штамп!»

Густой утренний туман быстро растворился и на его смену пришла изнуряющая жара под 35° С. Весь день Герман был очень задумчив, пытался представить и даже настроиться на какую-нибудь хорошую и полезную способность. Но всё время терзали сомнения:

«– А цех сознания так сможет? А это реально? Если буду слишком агрессивен, меня таким и запишет комиссия? И тогда что со способностью, что без неё, дорога наверх будет закрыта».

– Чего такой задумчивый? – спросил его Райт. – Влюбился в кого-то?

– А? Да-да, – парню уже было всё равно, он настроился на идею, что этот день здесь последний.

– И кто она? Колись!

– Секрет, – парню показалось, что врать даже весело, можно многое наговорить сейчас.

– Ну чего ты там улыбаешься? Нам тоже расскажи.

– Не хочу, это личное.

– Ай, да ну тебя!

Мысленно герой уже не здесь, а в своей комнате, собирает вещи.

«– Нет, поеду налегке. Отправлю Данэля, этого бездельника, за вещами».

Из-за недосыпа Герман совсем не заметил, как уснул в тени каменной стены, а проснулся с сильной головной болью. Он хотел было вернуться на ферму, но Остин предупредил, что по дороге парню станет ещё хуже из-за перегрева. Из-за этого недомогания он еле дождался вечера, всё время ища прохладное место и прикладывая ко лбу мокрый платок, единственной мыслью, что придавала ему сил, была вера в то, что больше в его жизни не будет таких эпизодов, когда он не смог бы уйти на отдых в любой момент, когда понадобится. Что больше не будет таких ситуаций, где ему придётся с чем-то мириться или кого-то терпеть. Такого

Германа больше нет. Раскалывающаяся голова, тошнота, невыносимая жара, скука – от этого некуда было деться и потому вызывало гнев. Так хотелось быть бодрячком, но это нельзя сделать по щелчку пальцев.

Вечером, добравшись до своей спальни, Герман сразу заснул и спал до того момента, пока звонок Эдварда не разбудил его. Чувствовал он себя лучше или только хуже, наступило облегчение или предсмертная эйфория, было сложно ответить на этот вопрос. Герой наскоро нацарапал записку для тех, кто будет искать его и оставил на старом письменном столе, которому на вид уже почти сто лет: местами дерево распёрло от сырости и везде крупной паутиной растрескался лак. Подросток посчитал, что эту рухлядь не жалко, её уже ничем не испортить, поэтому встал на стол прямо в обуви, чтобы перелезть на подоконник. Выбравшись из общежития через окно, парень мигом помчался в лес, боясь, что на дороге его кто-то увидит. Небо полностью заволокли тучи и как назло уже капал мелкий дождь. Из-за чего бедный герой, что ещё сегодня днём чувствовал себя приболевшим, был вынужден пробираться до машины товарища через сырые кусты и траву. Герман петлял кругами в полной темноте, не мог понять объяснения друга по телефону, срывался на раздражённый крик, уже не думая ни о чём, кроме насквозь промокшей одежды и противных листьев, что прилипли к запястьям.

***

Спустя пару минут блуждания парень слышит тихий шум, издаваемый электромобилем. Фары не включены, но понять, откуда исходит звук, реально. Было понятно, что Эдвард, не доезжая до фермы, свернул с главной трассы на узкую дорогу вглубь леса, но было неясно, как далеко он проехал потом и где сам ожидал встретить друга.

Выйдя на прокатанную дорогу, Герман видит светлый силуэт машины слева от себя и идёт к ней, размахивая руками, чтобы привлечь внимание. Это срабатывает. Фары зажигаются, машина издаёт немного больше шума. Эдвард подходит к Герману, те здороваются рукопожатием и спешат поскорей к машине. Всё проходит гладко до того момента, пока к ним сзади не подходит уже знакомый любитель прогуляться по темноте.

– Какое счастье, – восклицает мужчина, испугав двух парней, а после невозмутимо приближается к ним всё ближе, – я уж думал, что придётся идти пешком. Подвезёте меня до города? Вы ведь туда направляетесь?

– Кто это? – настороженный Эдвард задает вопрос другу.

Герман всматривается в лицо пришедшего, но это и не нужно, ведь по голосу уже и так понятно.

– Вроде… Местный врач, – отвечает беглец.

– Я врач, – подтверждает пришедший. – И вот такие у нас, врачей, ужасные условия труда и огромное количество рабочих часов, что даже на последний электробус не удаётся успеть. Эх…

– А у местного врача нет своего транспорта? – Эдвард показывает, что не особо верит в эту историю.

– Сломался, – мужчина отвечает коротко и переводит взгляд на Германа. – Ты, кстати, не извинился за грубость, тогда…

Испугавшись, что, если врач получит отказ, ему придётся заночевать на ферме, а значит все узнают о побеге уже минут через пятнадцать, Герман понимает, что деваться ему некуда.

– В машине ведь есть свободное место? – герой обращается к другу-водителю.

– Есть, – раздраженно отвечает парень и садится за руль. – Запрыгивайте. Надеюсь, вас не надо подвозить прямо к крыльцу? – обращается к нежданному пассажиру.

– Главное – доехать до города, а дальше я пешком.

– Мы едем в район 6—2, сойдёт? – спрашивает Эдвард.

– Сойдёт, – отвечает врач, садясь в машину и ставя чемоданчик себе на колени.

Пока оба парня сидят на передних местах машины, мужчине приходится сидеть в одиночестве на заднем кресле и смотреть в окно.

– А где вы сами живёте? – спрашивает Эдвард у пассажира.

– На 6—2, – отвечает тот, даже не задумываясь.

Эдвард лишь хмыкает в ответ и набрасывается уже на друга:

– Эй! Ты оплатишь химчистку, где столько грязи на себя собрал?

– Кажется, я один раз наступил в какую-то лужу, – с прискорбием докладывает Герман.

– На ферме ты превратился в поросёнка, – усмехается Эдвард.

– Вот поэтому и валю оттуда, туда, где буду человеком.

А лишний пассажир оказывается образцовым: всю дорогу сидит молча и даже никак не комментирует играющую в салоне музыку. Подъехав к нужному району, он высаживается и благодарит за помощь.

Наконец, и только теперь, Герман может полностью откинуться на спинку кресла и выдохнуть с таким спокойствием, чтобы по пути к дому Эдварда умудриться заснуть. Видя состояние друга, парень пишет кому-то смс, меняет курс и едет к другому месту.

Проснувшись в машине спустя пять минут, герой обнаруживает себя в гараже и даже знает в каком. Осмотревшись по сторонам, он слышит мужские голоса, доносящиеся из соседней комнаты-пристройки. Понимая, к чему всё идёт, он спешит унять ссору.

– Опять вы за своё? – появляется он в дверном проёме, зевая и просыпаясь до конца.

– Гадёныши, взяли моду! – злится отец Эдварда, который приехал прямо к нему на работу.

Их семья лучше всех организует всякого рода праздники, у них есть своя гостиница, маленький магазинчик, винодельня и бар под общим именем «Чёрная кукушка». Парни приехали как раз в бар, расположенный через пару домов от изначальной точки назначения. На часах время позднее, но именно сейчас отличное время для инвентаризации, которой занимается младший брат Эдварда – Даниил. Днём здесь будут косметические работы, много народа и шум. Отец братьев, Оникс, до сих пор пытается найти всех виновных в ужасной трагедии, приковавшей младшего сына к инвалидному креслу. То были конкуренты по бизнесу, решившие припугнуть его семью. Теперь у парней рабочие обязанности чётко распределены: Даниил помогает отцу с документацией, а Эдварда напрягают таскать тяжёлые ящики.

Старший из сыновей умоляет отца дать пару бутылок вина.

– По-вашему, это нормально, когда родители сами приносят алкоголь своим детям? – возмущается мужчина.

– Да не будь ты таким, мне ведь уже есть восемнадцать.

– И что дальше? Теперь всё можно? – упирается отец.

Мужчина переводит взгляд на Германа, тот висит на дверном косяке, уцепившись за него руками, рукава его спортивной куртки слегка упали, открывая взору ещё не зажившие раны. Немного подумав, Оникс всё же уступает и уходит, возвращаясь к своей работе на складе.

– Мы только чуть-чуть, – улыбается Эдвард вслед.

– Ладно, надеюсь, что утром вам будет очень плохо. Тебе особенно, – говорит отец сыну. – Подъём в шесть и будешь работать на кассе до закрытия. И это только от меня наказание, я не знаю, что сделает с тобой мать, когда узнает.

– Переживу, – беззаботно отмахивается Эдвард и приступает к откупориванию бутылки. – Надеюсь, я буду в духе.

Чаще всего старший сын предпочитает всеми силами избегать работы, хотя обычно работает он на совесть, только настроение на это выпадает крайне редко. В то время как его младший брат придерживается полной трезвости, Эдвард стоит у барной стойки и строит из себя сомелье, хотя к своему стыду он плохо различает вкусовые ноты.

– Это ты какую бутылку взял? – спрашивает младший брат у старшего и смотрит на этикетку. – Я такие уже отметил, теперь в журнале исправлять. Бери сразу такую же, я поменяю на два, иначе из-за тебя грязь будет.

– Зачем такую же? Мы хотим и другое попробовать.

– Ты всё равно вкуса не чувствуешь!.. Ты телефон-то выключил? – спрашивает Даниил у Германа, не отрываясь от бумаг. – А то тебя так мать выследит.

– Точно! – Герман тут же снимает крышку с аппарата и извлекает аккумулятор.

Оба парня видят, насколько их друг напуган при одной лишь мысли о его матери, приступ последней истерики которой они видели лично.

Уже после небольшой дозы алкоголя, накатывают так старательно подавляемые всё это время чувства и воспоминания. Герман закатывает рукава своей одежды по локоть, рассматривая следы от прута, которым мать на эмоциях попыталась наказать его за общение с теми, кто сейчас сидит с ним рядом.

– Так только со скотом обращаются…, – тихо шепчет нелюбимый сын.

– Съезжать тебе надо, – констатирует Эдвард. – Она ведь всегда такой будет.

– Знаю, но я же не могу уйти в никуда. И чем вы ей не нравитесь?

– Ваш род в основном – адвокаты. Хм, даже не знаю, по мне так мы наоборот им работу делаем.

– Алкоголь – отягчающее, – предполагает Герман.

– А без него? – спрашивает Даниил. – Алкоголь – это толчок.

– И как вам спится? – удивляется герой такому хладнокровию.

– А вашей семье? Вы ведь настоящих преступников прикрываете.

– Да-а, – вздыхает Герман. – Вот мне и интересно: почему ваша семья маме не нравится?

Парни понимают, что зашли в тупик.

***

На шатающихся ногах, парень осторожно складывал бутылки в коробки и помогал другу переносить их на склад. Всё это они делали в тишине, чтобы не отвлекать счетовода.

– Мне никак не приходит в голову идея о способности, – размышлял он вслух, надеясь получить ответ. – Захочу что-то жестокое, меня таким и заклеймят; выберу что-то простецкое и всю жизнь буду об этом жалеть. Случайно наврежу кому-то и получу судимость, лишусь нормальной работы. А если вообще умру? Вдруг мне не повезёт? Останусь инвалидом. Без обид, Дань.

Парень сделал вид, что очень увлечён своими таблицами.

– Тогда отдохни, – посоветовал Эдвард. – Вдохновение обязательно придёт. Слышал ведь про сознательное и бессознательное? Даже если ты осознанно об этом не думаешь, твой мозг всё равно ищет ответы.

– Вот в том-то и дело! Я так и думал! Думал, что инстинкты или рефлексы какие-то сработают. Но когда надо было, то голова была пустая. Мне очень хотелось спать. Хм… Похоже, что ты прав.

– Конечно прав. Всем нужен отдых. А у тебя тем более такой большой стресс – с мамой поссорился. А когда у кого-то стресс, то он не может нормально думать и память плохая. Придумаешь способность, а потом забудешь, что придумал.

– Да. Но это как зависимость. С ума схожу, когда ничем не занят. Разучился уже не тревожиться и просто расслабляться.

– Относись к жизни проще. Посмотри по сторонам, многие и в половину так не заморачиваются, как ты обычно.

– Но у них и жизнь другая, – печально вздохнул Герман. – Я бы отдохнул, но меня и с этим собираются обломать. Мама хочет поехать на отдых к южным горам в начале августа.

Оба братья перевели заинтересованный взгляд на Германа:

– Ты тоже едешь с ней? – спросил Эдвард.

– Не знаю. Если не обзаведусь способностью, то тут застряну.

– Будешь с нами, – ободряюще сказал Даниил. – С нами ведь не скучно, правда?

– Конечно, но… Я не хочу быть в семье изгоем. Сговорятся там с сестрой против меня, а я потом буду как отщепенец.

– Слышал про нездоровую привязанность? – сказал старший из братьев. – Учись быть сам по себе, как настоящий взрослый.

– Ага, а вы, когда собираетесь? Будете же здесь семейное дело продолжать. Вам меня не понять, всё у вас так просто.

– Можем дать тебе работу, – сказал Даниил, стукнув ручкой по деревянному планшету. – Отец будет не против. Ты подумай над этим.

– Я сейчас не хочу ни о чём думать, – устало пробормотал герой, схватившись за голову. – Но спасибо, беру на заметку.

Парни не спали всю ночь, а на утро Оникс сообщил Герману, что звонила его мать и приказала парню вернуться обратно.

– Извини, я ничего не могу с этим поделать.

– Ничего, я сам забыл отключить телефон.

– У тебя какое-то приложение стоит?

– Я не знаю, не должно было. Видимо это где-то спрятано. Т-ц, это уже не важно.

– На чём поедешь? Тебя подвезти?

– Нет, не хочу делать вам больше проблем. Сяду на общественный транспорт. Займите мелочь на проезд.

Герман выбрал электробус в надежде, что свежий воздух поможет ему хоть немного облегчить тошноту из-за похмелья. Было бы ужасно стыдно заблевать салон автомобиля, а это бы произошло обязательно. Надо прогуляться, на крайний случай заскочить в общественный туалет.

«– Хочу домой», – парню стало ужасно грустно и жалко себя. «– Больше никогда не буду пить, стало только хуже. Меня тошнит, наверняка ещё и воняю, проведу этот день в образе общественного мусора, какой позор. Хочу в свою постель, но мама не даст мне спокойно поспать. Не даст даже денёчка на реабилитацию».

И тут пришла она – Елена. Мать братьев и жена Оникса. Высокая, худая женщина, вечно боящаяся лишних калорий и любящая наряжаться каждый раз во что-то новое. Костюмы всегда строгие и при этом яркие: фасон деловой, как у настоящего начальства, но нет занудства и серости, цвет ткани чаще либо ярко-алый, либо синий. А сегодня она в зелёном платье, что очень идёт её длинным рыжим волосам. Хотя так она походит на ведьму из детской сказки. Пусть косметический ремонт в баре был известен заранее, но она до сих пор носилась с карточками и каталогами, никак не могла определиться с материалом для перетяжки диванов и кресел; постоянно дёргала рабочих, которые в растерянности не могли понять, что от них требуется. Сама Елена тоже пребывала в полном шоке, когда узнала, что Герман должен прямо сейчас поехать на ферму. Она привыкла видеть говядину, свинину, курятину, крольчатину и прочую пищу уже приготовленной на столе или как минимум замороженной в магазине, но никогда не испытывала потребности лично приезжать в место, где растут все эти деревья, с которых это всё снимают. Она категорически отказалась отпускать гостя, пока тот не позавтракает и хорошенько не отдохнёт. Пока рабочие были заняты поднятием и развешиванием пыли, семья вместе с Германом прошла в столовую гостиницы по соседству. Возможно, парень и умильнулся бы такой картине, растрогался от подобной чести, но его жутко клонило в сон и мозг был не в состоянии обращать внимание на происходящее. Зная, что мать будет назва-

нивать, он решил включить телефон дня через два, когда появится настроение с ней разговаривать.

– Ты там работаешь? – когда все уже сидели за общим круглым столом, Елена задала очень глупый вопрос.

– У меня там практика, но, по правде, хочу создать особую способность. Говорят, там часто всякие происшествия случаются.

– Кто подкинул тебе такую идею? Сам придумал?

– Нет, мама велела.

– Какой кошмар, твоя мама такая требовательная. Ну подумаешь, нет способности, её много у кого нет. К тому же, не всем же быть знаменитыми и героями.

– Но по-другому я дома не нужен.

– Бедный мой мальчик, – Елена в чувствах обняла парня, так удобно сидящего по соседству, – Не переживай, способность – это не самое главное.

После завтрака женщина вручила парню ключи от гостиничного номера, чтобы там он привёл себя в порядок и отдохнул.

– Мама будет злится, если я останусь здесь надолго.

– Но ведь ты уже здесь, поздно переживать об этом. Если журналисты будут спрашивать, то я скажу им, что ты приходил по поводу организации праздника.

Парень сдался, вспомнив клятву, которую дал себе недавно:

– Хорошо, мне действительно очень хочется спать.

«– Я больше никогда не буду ничего терпеть. И в полуживом состоянии никуда не пойду».

Гостиничный номер встретил героя красиво уложенными подушками на большой двуспальной кровати. Он плюхнулся в постель, решив принять душ последним делом. Гостиничные номера всегда казались парню более уютными и приветливыми, чем родной дом. Может, это от того, что десятки работников стараются сделать место максимально комфортным, тогда как домашние слуги лишь поддерживают необходимый порядок и чистоту, но что-то радостное только по особым праздникам. Номер, который он получил, выходил на светлую сторону, тогда как дома ему досталась спальня, где постоянно стоит мрак. Самое лучшее досталось младшей сестре, которая настолько привыкла к подобным привилегиям, что считает, будто брат обязан уступать ей во всём и всегда. Пусть он и старший, но никогда не ощущал в свою сторону и капли должного уважения. И всё это давно стало настолько привычным, что герой не находит слов, когда надо поставить обнаглевшую сестру на место. А зачем вообще это делать? Чтобы сестра превратилась в такую же размазню, как её брат? Пусть лучше знает себе цену, чем учить её помалкивать.

Пробыв потрясающий день в номере до самого вечера, парень не нашёл никого из тех людей, с которыми завтракал ещё утром, поэтому просто отнёс ключ на ресепшен и побрёл к электробусной остановке. Он немного испугался того, что мог пропустить последний рейс, но группа людей у нужного места успокоила его одним своим присутствием. Однако ему пришлось простоять там целый час, вдоволь наслушавшись теорий о том, почему транспорт всё никак не подъезжает.

– Может, он опять сломан? – сказал одни из ожидающих.

– Или уже проехал раньше графика? – предположил другой.

Стемнело. Тоскливо.

***

Неожиданно к остановке подъезжает тёмный электромобиль, правое окно со стороны водителя опускается и Герман видит теперь уже знакомое лицо – врач с фермы.

– Ты ведь обратно? – спрашивает мужчина. – Садись.

Не раздумывая, парень оббегает машину и садится на переднее сиденье. Транспорт плавно отъезжает. В нос ударяет сладкий запах солёной карамели. Он и раньше мерещился герою, но слишком слабо, чтобы сосредоточиться на нём.

– Долг платежом красен, – говорит врач с улыбкой.

– Не слышал такого, – отвечает Герман, равнодушно и устало смотря, как за окном мелькают уже зажжённые фонари.

– Это говорили на прошлой планете.

– А разве нам не велено забыть всё, что с ней связано?

– Ты чтишь предков?

– Плевать я на них хотел, – парень пристегивается ремнём безопасности, вспомнив про него.

– Как и все подростки, – мужчина снова смеётся, его это не злит.

Каенесснесс снова скрывается за горами и наступает темнота. Комфортный и мягкий салон электромобиля, бесшумный двигатель, лиричная музыка, солёная карамель… С похмелья до сих пор болит голова, и всё никак не удаётся проснуться полностью. Но что-то, назойливо жужжащее около уха, сводит весь уют на нет. Насекомое садится на приборную панель и складывает крылья. Из-за тусклого освещения различим лишь силуэт.

– Это оса?

– Да, – мужчина кратко смотрит в сторону насекомого, не отвлекаясь от вождения. – Моя дочь постоянно роняет карамельки в машине, вот они и налетели. Делаю химчистку, но дочь снова проливает какой-нибудь сок. Горе моё…

Отведя взгляд немного в сторону, пассажир замечает на бардачке какую-то надпись, явно неродную для этого салона. Прислонив пальцы, он ощущает шершавую поверхность – кто-то нацарапал цифры «13/13». Музыка обрывается и по радио передают сообщение, водитель делает звук заметно громче:

«Недавно были зафиксированы пропажи нескольких человек – трое молодых девушек и четверо парней, все они примерно одного возраста и проживали в разных частях города…»

– Это тоже сделала дочь? – парень нащупывает около цифр печать Рэданна.

– Да. Она начала изучать Кодекс, поэтому нарисовала мне здесь это.

– А при чём здесь «13/13»?

Мужчина задумчиво хмыкает.

– Я не знаю, как-то не задавался вопросом, что в голове у пятилетней девочки.

Водитель замечает полосы запёкшейся крови на руках пассажира.

– Откуда шрамы?

– На скакалке прыгал. А ваша дочь не прыгает? Должны знать, откуда такие следы появляются.

– Видимо ты очень старался, потому что обычно слабые покраснения быстро сходят.

– Я усердный.

«…все эти пропажи, предположительно, организованы по вине одного и того же лица. Высока вероятность, что это дело рук храс. Не ходите по улицам в одиночку, даже в светлое время суток».

Радио снова переключается на убаюкивающую музыку, водитель убавляет громкость. Впереди мелькает знак: «Юго-Западная ферма».

– Можно вопрос? – говорит мужчина.

– Какой? – отвечает парень, сквозь сон.

– В разгар лучшего времени жизни, что ты забыл на грязной, вонючей ферме?

– А вы? – задаёт вопрос Герман, ведь врач выглядит тоже довольно молодо.

– Я лишь работаю там, посменно. А ты ещё и ночуешь. Можно сказать, живёшь.

– Не хочу говорить об этом. Лучше спросите других на ферме, они знают.

– Хорошо. Прости, если задел твои чувства.

Пусть парень и зевнул пару раз и даже выглядел как желающий немного вздремнуть, всё же он не в том состоянии, чтобы не заметить очевидную смену маршрута. Асфальтированная дорога сменяется высокой травой, бьющей по капоту. В свете фар видна лишь она, что очень дезориентирует.

– Слышал, ты хочешь жить отдельно от семьи, растёшь мужчиной, да? – голос водителя всё такой же невозмутимый, будто только что ничего не произошло.

– Да, собираюсь, но способности пока нет, – Герман растеряно смотрит в окна, но машина внезапно останавливается.

– А она обязательна? Обычные люди и без этого призвание находят.

– Просто не хочу менять планы на середине пути.

– Ах да, конечно-конечно…

– Вы для этого свернули с трассы?

– Нужно было пропустить фуры.

Наступает неловкая пауза. Парень пробует обернуться, но уже нет возможности увидеть главную дорогу, даже свет чьих-то фар.

– Не боишься жить самостоятельно?

– Когда-то ведь надо начать.

– Твоя мать будто до сих пор не перерезала пуповину.

– Откуда вы знаете?

– Я знаком с твоей сестрой, она переживает за тебя.

– Чего? Ей плевать на меня, не надо ей верить. Если она просит вас рассказывать обо мне, то только чтобы сдать потом матери.

– О-у, но я, кажется, говорил о другом человеке.

– Другом? У меня только одна сестра… Фуры проехали, поедем дальше?

– Только если сначала ты мне кое-что пообещаешь.

– Допустим, что?

– Ты и впрямь будешь жить самостоятельно, отдельно от своей семьи.

– Хорошо.

– Обещаешь?

– Да… Почему вас это волнует?

– Я пообещал твоей сестре. Но всё зависит от тебя.

– Сестра хочет от меня избавиться, серьёзно? Теперь я её узнаю. Она так и сказала, что я должен съехать?

– Примерно так.

– Вот сучка! Да хрен ей!

– Слушай, но ведь это неплохой вариант. Тебе разве хочется вариться во всех этих интригах с наследством? Куда лучше заполучить независимость, иметь свои деньги и жить спокойно.

– Я должен начинать с нуля, а сестра на всём готовом?

– Нет, у тебя будет имя семьи… хотя нет, стоп…, – мужчина хватается за голову. – Погоди… Тебе не будет тяжело. Наоборот, будет сложнее, если останешься.

– Бред какой-то… Мы поедем дальше? Вы начинаете меня пугать.

Врач смотрит на парня уставшим взглядом и согласно кивает:

– Конечно. Но ты только что взял свои слова назад.

– Разве?

– Да, значит, ты из тех, кто привык разбрасываться обещаниями. Ты уже и забыл о чём мы только что говорили. Поддакивал мне, только чтобы побыстрей отделаться.

– Я дальше пешком, – герой открывает дверцу машины и в салон тут же врывается холодный свежий воздух.

Мужчина резко гонит машину задним ходом обратно на дорогу и Германа отбрасывает в кресло.

– Захлопни дверь, – приказывает водитель, парень так и делает.

Они молча возобновляют свой маршрут. Уже подъезжая к главным воротам фермы, мужчина грустно вздыхает:

– Так мы с тобой ни к чему и не пришли. Но ты не виноват, подростки сами себя не знают. Когда найдешь себя, то разговаривать будет проще.

V. Дубль два

Наконец машина останавливается на территории фермы прямо под зажжённым фонарём. Герман с нетерпением вылетает из электромобиля, что теперь кажется вовсе не таким уж и уютным. Выходит и врач. На нём тёмно-синяя рубашка без галстука, на маленьких пуговицах с четырьмя отверстиями нитки лежат в форме стрел, указывающих вверх; ещё чуть темнее по цвету брюки. В свете фонаря видно насколько сильно бледна его кожа, а радужка глаз светло-серая, при этом очень коротко подстриженные волосы тёмные. Внешность Германа немного иная: он тоже брюнет, но кожа чуть темнее (хотя можно ли называть её темной, если идёт сравнение с неестественной белизной, она скорее обычная), глаза карие; виден лёгкий тон азиатских черт, доставшихся от матери; одет он в чёрные спортивные брюки и такого же цвета футболку. Будто бы парень был сегодня на спортивной тренировке, но, судя по физическому состоянию, она была первой в его жизни. Оба человека получают возможность мельком друг друга разглядеть.

– А зачем вам на ночь глядя приезжать сюда? – вдруг задумывается об этом герой.

Мужчина запирает электромобиль и отвечает:

– По правде говоря, ночью у врачей городской больницы нет никакого желания приезжать на вызовы, а местная девушка должна вот-вот родить, так что мне приходится дежурить по ночам в таких ситуациях.

– Вы по всем вопросам врач?

Мужчина заглядывает парню в глаза:

– Практически.

– Почему она сама не ляжет в больницу?

– Это только по добровольному согласию пациентки, а она хочет рожать поближе к природе.

– Она сектантка?

– Нет, местные фермеры здесь… Они не сами решили выбрать такую работу. Они здесь в качестве лечения.

– Кошмар. Я что в окружении психов?

– Эти психи мирные, – усмехается мужчина с лицом довольного кота.

Подросток едва может переварить только что полученную информацию. Это было сказано так неожиданно, что даже кажется саркастичной шуткой. Но, если представить такую ситуацию, то из этого разговора становится ясно почему на этой ферме не так много животных и полей, если внимательно присмотреться. Сам вид разваливающегося общежития уже говорил о том, что финансирование в этом месте скудное, а развитие вялотекущее. Прихватив свой чемоданчик, врач направляется к дому пациентки, а беглец решает пойти к домику для отдыха, рассчитывая, что в это время суток там будет основной состав жителей фермы, ну или хотя бы приличная часть. Он быстро заскакивает на крыльцо и обнаруживает через распахнутую дверь, что в помещении приличное количество людей, многие играют в какие-то настольные игры.

На самом пороге он колеблется и какое-то время не может решиться подать сигнал о своём присутствии. Но через минуту всё-таки заходит в каменное здание, якобы смущенно опустив голову. На деле же он не желает видеть лиц и глаз, дабы не сохранить ничего в памяти. Ему хочется быть просто призраком, что появился здесь однажды, а потом резко исчез без следа. Его должны помнить, как промелькнувшую тень. И на него действительно никто не обращает сейчас внимания.

– Эй? Я хочу попросить прощения…

На секунду все присутствующие теряются и с пустым взглядом смотрят не на парня, а скорей в его сторону, словно пробуждаясь ото сна. Увлеченно занимаясь своими делами,

собравшиеся не сразу соображают кому принадлежит голос и что именно заложено в речь. Но через мгновение шестерёнки встают на место.

– Главное, что ты жив! – звонко выкрикивает доярка, поднявшись с дивана, она спешит схватить парня за руку, чтобы притащить в центр помещения.

Все остальные строго смотрят на пришедшего, их тела напряжены и явно готовятся встать в осуждающие позы. Судя по тому, как поднялись плечи этих людей и как раздулись их грудные клетки, сейчас они начнут объяснять, что такое хорошо и что такое плохо.

– Ладно, я пойду, – быстро проговаривает Герман, вырывает свою руку из цепкой хватки и спешит податься в бегство, чтобы не успеть услышать начало поучительной лекции.

Все эти взгляды зажгли где-то в груди горькое чувство вины, чувствовать подобное ужасно неприятно. Как только герой выходит из здания, его молниеносно сбивает с ног спортивный мужчина, хватает ладонью под плечо и тащит в укромное место. Он слабо бьёт парня ладонью по голове и принимается его отчитывать:

– Зачем ты меня так подставляешь? Я говорю твоей матери всё, что она хочет услышать, к тебе не лезу, а ты мне вот так платишь за понимание? Хочешь, чтобы я следил за тобой по-настоящему? Или чтобы меня уволили? Думаешь, что другой охранник будет таким же добреньким?

По голосу и тому смыслу, что доходит до ушей, Герман сразу узнаёт своего личного телохранителя. Скорее надзирателя, но герою повезло, и работник попался понимающий. Он делает вид, что следит за своим подопечным, на деле позволяя тому изучать мир и не вырасти тряпкой; а сейчас Герман просто предал оказанное ему доверие.

– Не подставляй меня так больше, – говорит Данэль. – Иначе на моё место придёт тот, кто действительно будет работать.

– Прости, я… психанул. Нервы сдали.

– А ты знаешь в каком состоянии сейчас мои нервы?

– Прости, теперь буду здесь торчать, как пёс на цепи.

Мужчина немного успокаивается, но всё равно остаётся недоволен, понимая, что больше доверять парню не сможет. Герой и сам не знает, когда утратит силы сдержать своё обещание и снова сорвётся, поэтому виновато избегает зрительного контакта и стремится поскорей уйти. Он надеется, что это всё закончится как можно скорее и жизнь пойдёт прежним чередом.

Но уходить от ответственности ему не дают, Данэль снова хватает парня под руку и тащит к главе фермерского хозяйства, ведь не прийти туда, а делать вид, будто ничего не было, просто невозможно. Этот разговор в любом случае будет неизбежен и лучше прийти лично. Нужно, в конце концов, хотя бы отметить своё присутствие.

Александр Павлович оказывается зол больше всех остальных. И при этом успевает сообщить, что парень отстранён от практики и может ехать домой. Насовсем. Это кажется Герману полнейшим бредом, ведь сначала должен быть выговор, а уж потом крайние меры. Разве нет? Но мужчина непреклонен, это его окончательное решение и документы уже распечатаны, но не подписаны.

– Знаешь, насколько опасно было искать тебя по всему лесу, где постоянно рыщут «больные рты»? Мы боялись, что уже не сможем вернуть тебя обратно.

– Чтобы со мной не случилось – это уже мои проблемы.

– Я знаю, что тебя ничего в жизни не волнует.

– Т-ц… Но ведь я оставил записку. Почему меня должны были искать, ведь первым делом надо было проверить меня в общежитии, а там и записка на столе.

– Никакой записки не было.

– Как не было? Может её сдуло ветром…

– То есть мы должны были догадаться, искать клочок бумаги среди травы?

– Нет, но… Вы меня сами никуда не отпускали.

– И поэтому тебе нельзя было уходить. Вот ещё что: Миенэ сказала мне, что слышала, как ты разговаривал на торговом языке я'храс. Мне стоит сообщить об этом в полицию?

– Что? Нет! Когда я говорил на нём? Я даже понятия не имею, что это за язык! Я ругнулся при ней один раз, но это было так… Это… Было обычное слово, просто она что-то себе придумала, ей показалось.

Мужчина устало вздыхает:

– Собирай вещи и завтра утром уезжай.

Взятка – штука удобная, но не со всеми её можно провернуть. Герману нечем возразить. Да и местные всё поймут.

***

Герой вышел на безлюдный ночной двор, слыша лишь сонные песни кузнечиков. Постояв на крыльце дома, не думая ни о чём, он просто хотел успокоиться, прежде чем решать образовавшиеся проблемы. Данэль пошёл в общежитие, чтобы собрать все вещи. Домой ехать нельзя, а здесь оставаться уже не разрешают. Парень сел на ступеньки, зная, что из окна кабинета отлично его видно. Взрослые часто отчитывают детей, а потом смягчаются и идут на уступки. Нужно только дождаться, когда собственная строгость покажется мужчине излишне резкой.

Минут через двадцать, когда вся эта затеяла стала казаться глупой, Александр Павлович Ким наконец тихонько вышел из здания. Заперев дверь на замок, он всё-таки обратился к Герману.

– Вставай, покажу тебе один заброшенный домик.

– Зачем?

– Ты ведь хочешь заслужить у всех прощение?

– Да.

– Остаться ты здесь не можешь, но жить неподалёку – вполне. Только я за тебя больше не отвечаю, если там станет страшно, то сразу возвращайся домой.

Герой с трудом поднялся на ноги, привыкнув к своей позе.

– Я не испугаюсь. Показывайте.

– Где твои вещи?

Тут уже подошёл и Данэль, неся в руках парочку тяжёлых чемоданов.

– А вот как раз и они, – ответил Герман.

Александр Павлович немного рассмеялся:

– Это напомнило мне один случай, это конечно было в другом месте, я лишь слышал краем уха подробности: какой-то студент решил нанять двойника, чтобы тот прошёл практику за него.

– Что за глупость? – парень слегка заразился смехом мужчины.

– Так ведь это был твой двоюродный брат – Абрам.

– Что? Я не слышал о таком, – парень вопросительно посмотрел на своего охранника, тот отрицательно помотал головой:

– Что ты на меня-то смотришь? Я работаю в вашем доме, а не во всех, – раздражённо добавил работник, чувствуя тяжесть своей ноши.

– Ладно, пойдёмте, – сказал глава фермы и повёл двоих к «новому» жилищу.

Идти пришлось недолго, здание стояло в пятнадцати метрах от границы территории фермы. Заброшенный домик оказался очень старым одноэтажным бревенчатым зданием с одной общей комнатой. Забора нет, вероятно, был пущен на отопление. Ширина здания шесть на шесть метров, с каждой стороны стены по два застеклённых окна, на удивление целых, а под правым окошком у входной двери очень низкая деревянная лавочка без спинки. Сна-

ружи видны трещины в дереве и даже растущий на брёвнах мох. Зелёная краска на ставнях давно выцвела и облупилась. Видно, что дом быстро износился из-за того, что за ним совсем никто не ухаживал. Часть металлической печной трубы, изъеденной ржавчиной, с шиферной крыши снёс ветер и теперь она осталась лежать на земле, зарастая травой. Под входной дверью не было ступенек или маленького порога, но при попадании внутрь ноги будто провалились в яму – здание просто немного осело. Тяжёлая дверь, покосившаяся набок на расшатанных петлях – из-за чего нужно было слегка приподнимать нижний край, держась за старую ручку, чтобы сдвинуть ту с места, – не имела замка, лишь старый кованый крюк с внутренней стороны и такую же петлю, врубленную в косяк.

Внутри домика в правом верхнем углу была печь буржуйка, а единственная лампочка в центре потолка перегорела и лопнула, как только её попытались включить. Александр Павлович обнадёжил парня и сказал, что в одном из пыльных шкафчиков без дверей – вдоль левой стены, если стоять на входе – лежат свечи и сменные лампочки. После этого он сразу ушёл. Данэль незамедлительно был послан найти хотя бы какую-нибудь кровать-раскладушку, ведь некуда было даже присесть; чемоданы пока остались стоять на пороге. Без предварительной уборки обустроиться здесь невозможно.

Мама-Бернадетт наверняка в курсе выселения, поэтому, чтобы не получать звонки и сообщения, изгнанному пришлось извлечь сим-карту прежде, чем включить свой телефон обратно и воспользоваться фонариком. Найдя среди груды хлама щётку и веник, он собрал осколки лампочки и отправил их в одно из ржавых вёдер, на половину наполненных печной золой.

Грязный пол с занесённым на него песком, убранный где-то посередине, и оставшийся всё таким же в остальной части дома – как-то совсем уж нелепо и глупо. Смирившись со своей судьбой, Герман понял, что по-хорошему надо подмести полы целиком. Найдя старые мешки, он собрал валяющийся повсюду хлам и оставил лежать в одном из углов. Стоило махнуть щёткой, как тут же поднялась пыль, вызывая кашель и резь в глазах. Всё, что оставалось – это открыть настежь дверь, двигаться по направлению к ней и не торопиться. Парень помнил, как слуги сбрызгивали полы водой, но испугался, что грязь просто прилипнет ко всему и так там и останется. В конце концов у него нет намерений наводить здесь настоящий порядок. Нужен лишь мало-мальски пристойны вид. Походный.

Очень быстро глаза устали страдать в темноте, а Данэль похоже пропал надолго. Дальний уличный фонарь у самых ворот фермы помогал немного, но его свет едва проникал внутрь через грязные стёкла. Взяв одно из вёдер, Герман высыпал пепел на тропинку у входа, вернулся в дом, перевернул донышком вверх и попытался дотянуться до цоколя. Поняв, что делает что-то неправильно, он нашёл электрический щиток внутри дома и выключил свет. А чтобы проверить это наверняка, пришлось найти в одном из чемоданов зарядное устройство для телефона и попробовать подключить его через все розетки. На случай, если розетки вдруг нерабочие сами по себе, этот вопрос был проверен тщательно – пришлось бегать к щитку и включать/выключать его туда-сюда. Убедившись, что напряжения нет, герой вернулся к своему основному занятию. Часть лампочки осталась внутри патрона, а фрагменты стекла крошились прямо в руках. Намучавшись с выкручиванием, парень порезал несколько пальцев, но всё-таки довёл дело до конца, радуясь ощущению своей самостоятельности. Только найдя автомобильную аптечку, в которой были лишь: бактерицидные пластыри, просроченный ибупрофен, который парень не рискнул пробовать, и мазь от ожогов, его глаза обнаружили плоскогубцы, лежащие рядом с чемоданчиком. С досадой цокнув языком, Герман обрадовался, что никто этого не видел.

Спустя час Данэль вернулся с тем, о чём его просили. Он развернул раскладушку рядом с буржуйкой, которую тут же затопил, чтобы немного убрать сырость. Но уснуть у героя совсем

не получалось, несмотря на то, что телохранитель дежурил снаружи. Помимо тепла, не было другого уюта.

«– Да кому нужно это прощение, – размышлял Герман. – Я разве дурак, хотеть возвращаться обратно? К тому же, всё равно потом будут зуб точить и грязную работу подкидывать».

Терпение лопнуло, парень осторожно встал, ещё не привыкнув к такой мебели, и вышел к работнику, что сидел на лавочке.

– Я останусь здесь, – огласил парень своё решение.

– Что?

– На меня до сих пор не напали потому, что вокруг были свидетели. А теперь я лёгкая добыча, дома окажусь ещё раньше, чем если буду этой ерундой по правилам заниматься.

– Нет. Твоя мать сказала, что попробует договориться с главой фермы.

– Мне это совсем не нужно, я здесь буду жить просто замечательно.

– И как ты объяснишь своё «замечательно»? Попытка создать особую способность, подвергая риску других людей, без специальных наблюдателей – это преступление. Простительно, если способность возникла случайно, а ты здесь явно не потому, что заблудился во время прогулки.

– Т-ц. Душнила. Поехали за едой.

– Я закажу доставку утром.

– Нет, поехали в круглосуточный ТЦ, я хочу купить мангал.

***

В изгнании прошло четыре дня. Герман снова наведывался к своим друзьям, где мог принять душ в гостинице и вздремнуть днём. Ночью же он верно ждал нападения храс и я'храс. Свежим, бодрым, выспавшимся и вкусно поевшим. Но так никого и не было, даже простого шума в ветвях. От скуки герой начал учиться жарить всякое на мангале, чего раньше никогда сам не делал. Но сейчас, когда никто не будет критиковать или лезть со своими советами, когда можно приготовить даже полную ерунду, готовку действительно можно назвать творческим процессом.

Из-за подобной жизни сбился режим сна и не было возможности сходить на ферму и поговорить с местными, хотя вроде стоило это сделать. Но пока никто на этом сильно не настаивает, значит не так уж оно и нужно.

Чем чаще герой уезжал из этих мест, тем чаще сравнивал жизнь в городе и жизнь на ферме. Тем более всё вокруг становилось отвратительным и возвращаться каждый раз хотелось всё меньше. Хотелось всё бросить и вернуться домой, к прежней жизни. И плевать, что кругом будет комфорт и особой способности возникнуть будет неоткуда. Плевать, что задание так и не выполнил. Столько времени было потрачено впустую и неизвестно сколько ещё пройдёт также бесплодно.

А вокруг снова тишина и парень, видимо, никому не нужен. Александр Павлович всё ещё непреклонен, ведь, конечно, Герман и пальцем не пошевелил, чтобы загладить вину. А ему это и не надо.

– Ты не думаешь налаживать отношения с местными? – спросил его телохранитель.

– Зачем эти унижения? Сейчас именно тот случай, когда нужно бездействовать, – равнодушно ответил парень, переворачивая помидоры.

Данэль хотел было что-то возразить, но Герман в чувствах выпалил:

– Вот попаду в беду, и они в стороне не останутся! Даже если говорят, что ни при чём, всё равно без проблем их не оставлю! Это они меня решили наказать? Спутали меня со своими детьми?

– Ладно, всё, успокойся. В любом случае, как Бернадетт решит, так ты и сделаешь.

– А она уже решила?

– Ещё нет.

– Значит, пока всё будет так, как я решил.

– Ты без неё точно не выживешь, – пробубнил себе под нос мужчина, удаляясь.

– Стой! У меня просто нервы сдали. Я устал так жить.

– Устал? Так сделай то, что должен.

Но герой понял это по-своему. Почему бы не прийти в лапы опасности самому? Но от мысли, что придётся действительно это сделать, он испугался. Отошёл подальше от домика, ощущая себя отплывающим далеко от берега и не умеющим плавать, сердце забилось как птичка в клетке, ноги стали подкашиваться, становясь ватными. Ещё несколько шагов и он бы вошёл в лес, будь чуточку смелее или безрассуднее. А может лучше просто гулять неподалёку, ведь наверняка никто не приходит сюда по привычке. Никто и не знает, что в домике кто-то теперь живёт. Нет, идти в лес ночью – самоубийство, ведь он один, а сколько там «больных ртов» неизвестно. А ведь и у них есть свои особые способности. Оттуда можно просто не выйти.

Но кто-нибудь обязательно обо всём узнает и наведается непрошенным гостем. Как играющая кошка, начнёт знакомство с диалога, притворяясь кем-то другим…

VI. Провал

А между тем на ферме происходят странные события, которые Герман и даже Данэль постоянно упускают из вида: коровы возобновляют попытки побега, а в самом коровнике обнаруживают множественные следы зубов крыс, но самое важное – где. Вокруг петель ворот и на самих перегородках, удерживающих скотину. Всё это изготовлено из дерева, поэтому долго не протянет. Очень странная ситуация. Само по себе такое произойти не может – крысы не на столько умные. По ферме ползут слухи и волнения, что я'храс прикладывают к этому свои силы. Животные стали их марионетками и в любой момент могут выкинуть что-то необычное. Пока это считают мелкой порчей, неприятными шутками, которые, в прочем, вынудили обратиться за помощью в полицию. Но пришёл лишь участковый, осмотрел коровник и посоветовал не выгонять коров на выпас, а кормить прямо так. Советом пришлось на время пренебречь, чтобы починить ограждения и укрепить их железом. У этого решения оказались страшные последствия…

Чудесным солнечным деньком Герман наконец созрел прийти на ферму и ещё раз перед всеми извиниться. Просто для галочки. Чтобы иметь оправдание на будущее, да и ходить всюду тоже полезно для привлечения внимания…

Но все его игнорируют. Молчат, будто даже не слышат. Говорят, что очень заняты, а от помощи отказываются. Он сталкивается с Миенэ, но девушка молча проходит мимо. Герман же пытается её остановить, но та лишь слегка меняет курс.

– Почему все начали меня игнорировать?

– Если собрался жить, будто в мире ты один, то ты и останешься один, – печально говорит Миенэ, уходя прочь по своим делам, даже не взглянув на героя.

– Сука.

– Что? – девушка останавливается на полпути и оборачивается.

– В тот день я сказал «сука», и ты тоже сука, раз обвиняешь меня, не разобравшись!

– Что… за что ты так?

– Я ведь пытался уйти как положено, но вы сами не дали.

– Думаешь, что оставить записку – это так ответственно?

– Так ты знаешь про её существование? Как быстро вы её нашли? Или искали меня где угодно, только не в собственной комнате?

Миенэ поджимает губы, отворачивается и начинает нервно дёргать ногой.

– Так меня никто не искал по всем лесам?

– Конечно нет. Мы просто решили тебя проучить.

– Но выкинуть меня с общежития – это уже перебор!

– Но ты в любом случае сбежал. Ты обязан был разговаривать с директором лично, чтобы получить разрешение. Ты всех подставил, мы чуть не вызвали полицию. Тогда сразу приехали бы журналисты и твоя мать начала бы таскать нас всех по судам за то, что мы якобы сами опорочили репутацию твоей семьи, выдав твою незрелость, эгоизм и невоспитанность. А если бы ты действительно попал в лапы преступников и пострадал, то директор бы потерял работу и, возможно, сел в тюрьму.

– Ты сейчас просто сочиняешь.

– Я ничего не сочиняю.

– Знаешь, что? Плевать! Мне не нужна ваша практика.

Герман отмахивается и Миенэ замечает пластыри на его пальцах.

– Что у тебя с пальцами? Ты обращался к медику?

– Просто порезался.

– Ты хотя бы обработал раны?
– Мне было нечем.
– Ты искал Катю?
– Кого?
– Катю – нашего врача.
– Я не знаю никакую Катю.
– Но её сейчас нет здесь и кабинет закрыт. Что же делать?
– Да это просто пара царапин, хватит переживать.
– Дай я посмотрю.
– Отвали! – Герман отталкивает девушку, и та чуть не падает. – Не хватало мне, чтобы ещё раны кто-то лапал грязными руками!

Девушка грустно вздыхает и уходит, пожалев о своей доброте. После этой ссоры становится понятно, что возобновление практики – дело целиком провальное. Его попросили попробовать – он попробовал. Всё. Пора обратно.

***

Этим утром никак не удавалось разбудить Спрэга, перед отправкой на зелёный луг. Обычно пёс сам просыпается раньше всех и ждёт у ворот коровника. Было такое впечатление, что он умер, однако сердце билось нормально, да и дыхание ровное, но сон уж слишком глубокий. Нашатырный спирт не помогал. Попытки растормошить только сильнее пугали – тело безвольно болталось в руках, будто оно принадлежало уставшему хорьку. Но собаке такое не свойственно, поэтому было совсем не смешно. Райту и Остину пришлось уйти пасти коров, как и положено около восьми утра, без него, пока доярки обзванивали ветеринаров.

Катя – фермерский врач, обнаружила у пса за ухом странный ожог диаметром в сантиметр-полтора и предположила, что он принадлежал фальшивому насекомому, созданному чьей-то способностью. Ведь как-то же нужно объяснить странное поведение животных. У коров были похожие ожоги, но проблем со сном не наблюдалось. Возможно, что их жалили вечером, либо всё зависит от веса животного. Катя взяла у собаки немного крови на анализ и уехала в лабораторию, чтобы изучить состав.

Пока она собиралась в центр, пёс успел проснуться и убежать на работу, пусть уже и опоздал на неё. «Убежать» – это, конечно, громко сказано. Сонливость медленно покидала Спрэга, и он часто сворачивал с привычного пути, останавливался полежать на траве, поэтому пришёл на зелёный луг аккурат к концу полудня.

Пастухи были рады тому, что их любимому псу полегчало. Они накормили его остатками своего завтрака. Райт и Остин переживали о том, что надо было взять с собой ещё кого-нибудь, предчувствуя неладное. Но пока странно себя вёл только пастуший пёс, то ли отгоняя от себя мух, то ли пытаясь вцепиться зубами в кого-то невидимого. Он недовольно ворчал и клацал пастью, но отлынивал от работы до тех пор, пока вдруг не остановился и не начал пронзительно лаять куда-то в пустоту.

Коровы в конце этой весны пытались сбежать в лес, но потом успокоились и уже не вызывали сильных подозрений. Да они и не убежали бы прям очень далеко: они-то уж точно не в силах преодолеть двухметровую стену из красного кирпича, позади которой Заповедный лес, а перед ней свободная территория, где можно спокойно ходить. Однако недавно обнаруженные следы крысиных зубов на воротах коровника, аккурат вокруг петель, и на ограждениях для скота навели на мысль о какой-то системе действий, явно продуманной.

Нет сомнений, что здесь виноваты «больные рты», они же храс и я'храс, отшельники, живущие в лесах и ведущие антисоциальный образ жизни. Они постоянно пытаются запудрить головы молодым людям, чтобы переманить тех на свою сторону. Разумеется, человек,

покинувший общество образованных сограждан в юном возрасте, рискует навсегда застрять в нём психологически. А уж тот факт, что причина ухода чаще всего кроется в обидах на общество, только усугубляет тяжесть их дальнейших поступков. Поэтому многие неприятные случаи встреч с «больными ртами» были восприняты как очередные ужасные шутки и откровенные издевательства над нормальными людьми, что просто хотят жить спокойной жизнью, а не нянчиться с этими бездельниками.

Но среди фермеров также ходили кое-какие слухи. Как уже сказал один из местных врачей, эта ферма служит местом реабилитации от склонности к отшельничеству. Подобно животным в зоопарках, что норовят сбежать из вольера, и люди устают существовать всё время на одном клочке земли, им любопытно увидеть новые территории. Многие работники здесь живут лишь для того, чтобы примерно понять, какова на самом деле жизнь вне цивилизации и что лучше всего быть поближе ко всем благам и не слушать всяких сумасшедших. В качестве вознаграждения за хороший и добросовестный труд, Лесники гарантируют этим людям, что их действительно приведут к самому краю Заповедного леса, … чтобы те могли участвовать в строительстве нового города в рамках проекта о расширении территории. Подобная суровая жизнь – лишь подготовка к чему-то по-настоящему тяжёлому.

Именно поэтому, у одних на все улики, явно готовящегося крупного преступления, было притупленно чувство опасности или же вовсе отсутствовало ощущение ответственности, ведь среди «больных ртов» были их старые, как им казалось, друзья, которые предупредили бы, наверное, во всяком случае плохо бы не поступили. У других же было так много тяжёлой работы, что подобные мелочи просто выпадали из поля внимания и мигом забывались, ведь ворота и ограждения чинят, коровы спокойны, а у самих и своих проблем достаточно. Это было даже некоей бессознательной формой самосаботажа: пусть действительно что-то произойдёт и тогда никто никуда не уедет.

Трезво мыслить всем мешала не только усталость, а ещё и недосып из-за того, что уже какую ночь крысы скребут своими маленькими, острыми коготками фундаменты домов, пытаясь прогрызть путь к погребам, даже если они пусты или забиты несъедобным хламом. Но на этот случай из соседней деревушки уже были привезены пять котов-охотников, из породы лучших в своём деле, но и они справляются не очень быстро, а иногда и откровенно игнорируя добычу прямо перед собой. Перестать полагаться на живую силу, раз уж они все стали будто под гипнозом, и начать разбрасывать везде яд – исключено. Повсюду бегают куры и утки с гусями, они могут сами этого наестся. А механические ловушки могут погубить или травмировать цыплят.

Никто и подумать не мог, что вся эта беспечность может дорого обойтись и даже полностью разрушить привычный уклад жизни. Когда пёс не просыпался сегодня утром, можно было подумать, что кому-то невыгодно, чтобы он был рядом с коровами, но когда он проснулся и стал видеть то, чего нет, стало ясно, что именно его присутствие должно сыграть какую-то важную роль.

Вид у него отнюдь не веселый, а, наоборот, испуганный. Словно не наш пёс проснулся сегодня утром. С какими мыслями он поднялся и что его так тревожит? Он лает куда-то перед собой, чем пугает коров и те начинают свой путь прямо к ближайшей чаще леса, это делают даже те, кто достаточно далеко, но лай для них будто не причина страха, а условный сигнал к действию. Фермеры с тревогой догадываются в чём дело.

– Проклятье, – говорит Остин. – Проклятье!

Мужчины зовут питомца по имени, стараются привести его в чувства, успокоить, но слова не работают. Такое впечатление, что Спрэг сейчас сорвёт себе всю глотку, лай настолько яростный, что присутствующие люди впадают в ступор и боятся подходить слишком близко. Хотя надо бы бежать и возвращать коров, но они так могут и затоптать насмерть. Лучше, конечно,

бежать обратно на ферму и вызывать полицию, что, собственно, фермеры и решают сделать, бросив обезумевших наедине с их галлюцинациями. Счастье, что пёс не бежит догонять пастухов, а увлечённо загоняет стадо всё дальше.

Около фермы они встречают только что подъехавший грузовик, водитель и пассажиры которого просят мужчин остановиться и всё рассказать. Узнав о случившемся, эти четверо парней средних лет возмущаются трусливым поступком, заводят мотор и едут спасать коров, пока их там всех не задушили. К слову, эти ребята часто контактируют с я'храс, так как состоят в волонтёрской организации по поиску похищенных детей, поэтому знают об этих язвах достаточно, чтобы успешно им противостоять.

Все четверо быстро добираются до нужного места и выпрыгивают из машины. Стадо зашло в лес почти полностью, охрипший лай всё ещё гонит их в самую глубь. Мужчины выдерживают дистанцию, боясь, что пёс накинется на них. Медленно они преследуют беглецов, надеясь на ходу понять причины происходящего и найти неподалёку виновных. В случае, если пёс всё же накинется на кого-то из людей, придётся привести его в чувства огнём, созданным цехом сознания – это вынужденная мера, которую всем хотелось бы избежать.

Подойдя к самой кромке леса, один из приятелей останавливается и просит остановиться других, взволнованно смотря куда-то наверх. Прямо над их головами, стоя ногами на крепких ветвях сосны, незнакомые женщины пристально смотрят на вошедших. Лица у них красивые, но очень измученные, волосы растрепаны, их проще состричь под корень, чем расчесать колтуны. На них рваные тёмные лохмотья, на руках и ногах видны следы от недавно снятых тугих кандалов. Кто-то стоит прямо, а некоторые сидят на корточках, но все они смотрят вниз, не шевелясь и не моргая. Порабощённые. Отринувшие цивилизованное общество, не входят свободно в лоно природы – они просто перестают быть защищёнными.

Становится ясно, что эти я'храс вовсе не затеяли грубые и жестокие розыгрыши ради собственного веселья. Кто-то приказывает им это делать. Кто-то, кто забрал их цехи сознания и теперь устрашает полным остыванием. Их бледные, фарфоровые лица заставляют задуматься о том, что что-то здесь не так. Будто все они давно остыли, а сознание безвозвратно угасло. Нет, никто бы не смог умирать окончательно, спокойно стоя на месте. Эти я'храс обожрались аккумуляторов – плодов Заповедного леса, питающих корни и хранящих в себе ту же энергию, что свойственна цехам сознания. Аккумуляторы Заповедного леса можно получить двумя способами: либо найти их в самом Лесу, куда нельзя соваться, либо сорвать с шеи кого-то из граждан. Лесники выдают их всем, а полезная функция этих плодов будет раскрыта в недалёком будущем.

Благодаря аккумуляторам Заповедного леса порабощённые могут продлевать своё существование, а сама оболочка плода может быть использована как облако пыли, чтобы скрыться, или же целая статуя, имитирующая создателя. Будь здесь неопытные пастухи, они бы точно встали как вкопанные и боялись что-либо сделать, а то и вовсе обратились в бегство, что они и сделали, ещё даже не увидев эту мнимую опасность. Но для людей с опытом эти статуи несут проблемы разве что пылью, летящей в глаза, после их разрушения. Для этого достаточно бросить в статую опавшую шишку и, если она простояла так уже достаточно давно, то быстро рассыпется, звонко шелестя, что удачно сливается с ветром, играющим листвой, и не отвлекает от выслеживания.

Разрушив пару статуй, мужчины решают не утруждать себя уничтожением всех до единой. Пройдя дальше в лес, они ничуть не стали ощущать на себе взгляд кого-то, кто мог обернуться, ведь то были пустышки.

Внезапно пёс замолкает. Коровы истошно воют, напуганные и потерявшиеся. Всё это выглядит как запланированная ловушка. Тень от елей удушающе давит со всех сторон, они почти не пропускают света. Вокруг достаточно просторно, чтобы осмотреться, но слишком темно, чтобы что-то рассмотреть. Воздух становится холодным и затхлым, но есть в нём что-то особенное, освежающее. То ли ветки шевелятся от ветра, то ли я'храс прыгают по ним. Тишина в самом лесу, будто никто не ждал гостей. Коровы стоят, мужчины стоят. Все чего-то ждут.

Спустя минут пятнадцать к месту подъезжают два полицейских электромобиля, припарковавшись рядом с пустым брошенным грузовиком. Из задних пассажирских сидений выходят Райт и Остин – первые свидетели. Они не только должны указать подробности произошедшего и указать места, кто куда убежал, но ещё и вызвонить этих четырёх дураков, которых теперь и след простыл. Но у кого-то из них привычка не брать с собой мобильник, у кого-то он уже разряжен, а кто-то поставил свой на беззвучный. А может они ушли уже так далеко, что связь просто не ловит. Но до мужчин теперь не дозвониться.

Стадо уже прилично разбрелось в разные стороны, вылавливать всех будет достаточно долго и проблематично, если конечно они сами не вернутся домой. Напуганного и жалобно скулящего пса находят первым, забившимся под кустом. Райт гладит Спрэга и успокаивает его всеми добрыми словами, которые только знает. Собака недовольно взвизгивает, когда мужчина задевает ужаленное ухо.

Два факта точно известны на данный момент: это дело рук я'храс, и способность, сводящая животных с ума, проклинает их с помощью фальшивого насекомого, которое оставляет на коже характерный ожог. Теперь же нужно выяснить логически исходящие из этого вопросы: кто приказал порабощённым совершить нападение на ферму и как именно выглядит данное насекомое. Проблема в том, что ни настоящей я'храс, которую можно было бы допросить, ни цельного образца жалящего насекомого, которого можно было бы изучить, на руках не имеется. Насколько известно, нет даже свидетелей, которые могли бы дать хоть немного ценной информации. Эти два растерявшихся пастуха уже сказали всё, что могли.

Полицейские усыпляют бедного пса транквилизатором, вдруг он всё ещё может проявлять агрессию, и велят свидетелям забирать его и возвращаться на ферму, чтобы не путались под ногами. А как в будущем выяснится из анализов крови, взятых Катей, это вещество ранее уже было в крови животного и вкалывать его повторно было крайне нежелательно. Очень хорошо, что Райт с Остином приложили все усилия, чтобы доставить Спрэга к приехавшему ветеринару как можно скорее.

Но что же сейчас происходит с теми четырьмя спасителями коров? Среди пронзительного воя они услыхали один наиболее душераздирающий. То была корова, готовящаяся рожать, она была очень напугана и потому бежала подальше, ища безопасное место. Нельзя было бросать её вот так, но, к сожалению, поспеть за ней не удалось. Когда мужчины прибыли на место, она уже лежала мёртвой с разорванным брюхом, а телёнок уже куда-то отполз, прячась в пышных зарослях папоротника.

И ежу понятно, что телёнок не мог родиться так скоро сам, да ещё и причинив матери такие чудовищные увечья – ему кто-то помог. Кто-то, кто попытался оттащить его подальше и спрятаться, но не успел, так как ноша тяжела, да и подоспевшие мужчины попросту спугнули участника заговора. Больше это нельзя назвать ни жестокой шуткой, ни страшным розыгрышем. Корова мертва! Убийство ценного животного, кормилицы, нельзя считать каким-то административным правонарушением – это уже крайне серьёзно. Серьёзнее, чем просто напугать живность, заставив её разбежаться.

И пусть «больные рты» все стали металлическими фигурами, их настоящие имена почти невозможно разузнать, пусть у них нет документов, да и гражданами те больше не числятся, всё равно они заплатят за всё, что натворили. Пусть и не по закону, но через самосуд, ведь сама полиция никак не будет в это вмешиваться, ведь у тех больше нет цехов сознания. Я'храс ощутят на себе всю мощь гнева терпеливых и сострадающих людей, что надеялись сохранить хорошие отношения. Пускай сами сдаются властям раньше, чем до них доберутся рассерженные фермеры.

Один из мужчин прислоняется рукой к сосне и ощущает под пальцами будто горячий уголёк. Недолго думая, он давит его, заставляя с хрустом раскрошиться. Убрав руку, он присматривается к пеплу на своей коже. Фальшивые насекомые почти всегда роятся группами, возможно, все деревья в округе ими обсажены. Достав телефон, мужчина обнаруживает несколько пропущенных вызовов, но забивает на это, включает камеру и пытается снять на неё хотя бы один образец, пока остальные трое приятелей, осмотрев корову и обнаружив глубокий и рванный порез – явный признак, что виновный очень спешил, – осторожно подбираются к телёнку.

Фальшивое насекомое по своей природе очень походит на человеческую металлическую фигуру, однако оно лишь несёт в себе волю его создателя, но также может остыть и рассыпаться. Со стороны может показаться, будто у роя имеется коллективный разум, но на деле они ничто без приказов владельца. Будут сидеть на месте, будто сонные мухи, пока не получат поручение. Позабытые, они могут прийти в себя уже внутри мешка, откуда уже не смогут выбраться.

Бледное тело новорождённого телёнка, лежащее под пышными ветками папоротника, казалось уже мёртвым, пока не начало потихоньку шевелиться, подавая признаки жизни. Трое мужчин, приблизившись к детёнышу, замечают, что его шерсть почему-то потемнела, став серой. То приближаясь, то отдаляясь от него, они пришли к выводу, что покров по своей функции напоминает светоотражающую ткань, но имеет немного иной род. Одному из мужчин кажется, что шерсть белая, другому – что серая, а третий и вовсе утверждает, что она какая-то зеркальная и для него телёнок куда-то пропадает. Но когда к ним подходит четвёртый товарищ, то тот сразу шарахается в сторону, восклицая, что эта тварь какая-то вся странная.

Мужчины аккуратно подходят к существу, старательно в него всматриваясь. Оно похоже на громадного опоссума, но разум кричит о том, что это и есть отсутствующий телёнок. Эти фермеры множество раз видели новорожденных животных и знают о их внешности не понаслышке. С одной стороны, сейчас они хором согласятся, что это именно он. Но, если бы они не знали контекста, и кто-то привёз бы это существо к ним в ящике, а потом открыл – они бы ни за что не признали в нём именно детеныша коровы, не поверили бы «чудаку», что утверждает обратное, и подняли бы его на смех.

А сейчас оно перед ними и почти твёрдо стоит на ногах, пусть и немного дрожа, то ли от мышечной слабости, то ли от холода, то ли от болезни, что виновна в искажении его облика. Облик коровы, что пожелала родиться крысой. Детеныш белого окраса, с черными кольцами поперёк живота, словно как у какой-то пчелы, эти же кольца на всех конечностях, включая хвост, как будто кто-то решил натянуть на него полосатые чулки. Но сейчас совершенно не до смеха, ведь стеклянные глаза, вышедшие вперед, что намекает на резкую смену рациона, смотрят прямо на присутствующих, а слабо дрожащие лапы переставляются друг за другом, приближая новорожденное нечто непонятно для каких целей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.